

The poster features a central figure, actor Sergey Kuskov, dressed in a brown leather jacket and holding two futuristic firearms. He is positioned in the foreground, looking directly at the viewer. In the background, a woman in a white suit is seated on a red sports car. The setting is a dark, futuristic cityscape at night, with lightning bolts and flying vehicles visible in the sky. At the top, a decorative banner contains the title 'НАШИ ТАМ' in gold letters, with 'ЗОЛОТАЯ ПЛАНЕТА' written in red below it. The bottom half of the poster contains the actor's name and the movie title in large, stylized fonts.

НАШИ • ТАМ

ЗОЛОТАЯ ПЛАНЕТА

СЕРГЕЙ КУСКОВ

ИГРУШКИ

ДЛЯ ИМПЕРАТОРОВ:

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Наши там (Центрполиграф)

Сергей Кусков

**Игрушки для императоров:
лестница в небо**

«Центрполиграф»

2013

Кусков С. А.

Игрушки для императоров: лестница в небо /
С. А. Кусков — «Центрполиграф», 2013 — (Наши там
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-04478-5

XXV век. Венера. Клан Веласкес сто лет стоит во главе страны. Вассальный монарху корпус телохранителей – часть этого клана. Пройдя обучение, выдержав испытания и получив статус «ангела», элитного бойца королевы, ты станешь не просто частью корпуса, а частью семьи, правящей планетой, и со временем примешь участие в судьбах государства, как доверенное лицо монарха и его надежная опора. Вот только какова цена подобного «участия»? Что кроется за испытаниями и обучением в таинственной цитадели королевских амазонок? Сможет ли вчерашний школьник, боровшийся за место под солнцем, избежать иной, куда большей угрозы, и остаться самим собой? И что делать, если перед ним лишь иллюзия выбора?

ISBN 978-5-227-04478-5

© Кусков С. А., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	26
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Анатольевич Кусков

Игрушки для императоров: лестница в небо

Роман

*Выражаю благодарность всем-всем-всем самиздатовцам,
принимавшим участие в проекте.*

Сентябрь 2447, Венера, Альфа

Адолат не любил слово «профессионал», считая себя специалистом. Правда, специалистом хорошим. Он не брался за дела, в успехе которых сомневался, но, если уж брался, всегда доводил до конца. Да, требовал за работу не много, однако и дела были простые, без изысков и лишних сложностей. Он гордился званием, которым сам себя наградил, поскольку помимо профессионалов и специалистов существуют еще любители, откровенные халтурщики. Их услуги оцениваются жалкими центаво, а качество работы соответствующее. Адолат же работал с гарантией, всегда держал марку, даже если это шло в ущерб оплате – так нужно для репутации.

Спустя всего пять лет после изгнания из королевских вооруженных сил он, с помощью такого подхода, завоевал репутацию уважаемого человека, известного в определенных кругах общества, и теперь со смехом вспоминал годы глупой юности, когда он пытался связать свою судьбу с армией. Да, она предоставляет много разных полезных для жизни благ, делает сильным и ответственным, но... Скучные будни, ночные побудки, вахты, маршброски, прыжки с орбиты и изнуряющие тренировки, железная дисциплина и казарменные условия – и все это где-то на окраине планеты, куда Аллах и в лучшее время не заглядывал!

Сейчас он не жалел об этом, космодесант не его стезя. Да и выгнали-то за ерунду! Зато теперь он – вольная птица, сам себе хозяин, занимается достаточно прибыльной работой, которая по душе, и строит планы на светлое беспечное будущее. Возможно, если бы не те полтора года в армии, когда из него, хилого юнца, «лепили» человека, он не стал бы таким, и за это стоит сказать спасибо. Как знать? Тем не менее обида глубоко в душе осталась. А то, что его ремесло несколько, как бы это мягче, незаконное, так государство само виновато, вышвырнуло его на помойку, вот пусть терпит!

Адолат как бы невзначай хлопнул себя по бедру. Ствол на месте, надежно прикрыт длинной широкой курткой, ножи на месте. Карта на козырьке навигатора показывает нужный район, включая подсвеченного красным клиента. Вроде все в порядке. Но щемящее чувство беспокойства не давало расслабиться второй день.

...Это началось в армии, на учениях. На тренажерах, где они стреляли настоящими боеприпасами по настоящим вооруженным и тоже стреляющим дроидам. Да, те палили сначала мимо цели, так запрограммированы, но вторая очередь у них шла на поражение. Те, кто плохо тренировался в учебке, по логике инструкторов военного департамента, должны отсеяться, и не факт, что они останутся живы. Смерти там, конечно, случались редко, поскольку дроиды стреляют по конечностям, однако и машины иногда промахиваются. Он нервничал тогда, сильно боялся. Считал, что уж на нем их программа непременно даст сбой, и мысленно представлял, как сотни игл, пробивающих доспех насквозь, врезаются в грудь. Его будто переклинило тогда, как в мозгу щелкнуло, и он начал чувствовать их. В смысле, роботов. Чувствовать и обходить, минуя расставленные инструкторами засады и расстреливая железзяк с выгодной ему позиции.

Как это произошло? Каков механизм этого? Он не понял до сих пор. Но родившееся тогда сверхъестественное чутье не раз спасало ему жизнь и после армии, давало уйти от слишком жадных заказчиков или слишком сильных клиентов.

Да, интуиция. Она обострилась тогда, выйдя за грань человеческого восприятия, и это единственное, за что он благодарен армии. Собственно, именно она вот уже второй день была тревогу, причину которой он понять не мог. Слежку не обнаружил, электронные средства защиты молчали, дорогу кому-то сильному и могущественному не переходил. Но это ничего не значило, в мире достаточно способов наблюдать за человеком, оставаясь незамеченным, а преследовать его могут и за старые грехи, о которых сам он давно забыл.

Этот заказ ему не понравился сразу. Он не убивает лохов, поскольку неинтересно – слишком просто. У него тоже есть профессиональная честь и собственные неписанные правила. Ему же предложили такого человека, не связанного ни с криминалом, ни с миром денег. Такого себе стандартного серого обывателя. Согласился он только из уважения к заказчику, достаточно известному человеку с хорошими связями. Возможно, он переоценивает его, на самом деле тот играет роль, которую ему позволяют, но недооценивать людей Адолат не любил. Это обычный заказ, достойный халтурщика, а не специалиста. Но заказчик платил за него неплохо, три куска золотом, причем со стопроцентной предоплатой. У Адолата же недавно возникли финансовые трудности, последний аргумент перевесил чашу весов его принципов. Это произошло позавчера.

Вчера же он почувствовал неладное.

Он, как обычно, вышел на разведку, посмотреть на клиента со стороны, так сказать, вжиться, понять его образ мыслей. Это часть хобби, не связанная с работой, он всегда так поступает по возможности. Так сказать, коллекционирует людей. Клиента он рассмотрел четко, тот шел в костюмчике, с папкой в руке, от метро к месту, обозначенному как «дом». Действительно, лох, но Адолат напрягся: что-то в нем прослеживалось ненормальное, необузданное, первозданное – от зверя, каким являлся он сам. Зверь зверя всегда чувствует, это непреложная истина, но, к сожалению, того, что он увидел, оказалось недостаточно, чтобы считать его «в теме», и он искренне сожалел, что парня придется убить.

Адолат долго стоял, рассматривая клиента через линзу козырька, и, как только проводил его взглядом, интуиция, бросавшая его в сторону от очередей роботов, погнала прочь.

Можно сказать, он убежал оттуда, уж слишком быстро шел. Чутье гнало и гнало куда-то, не направляя конкретно в сторону угрозы. Это не просто страх, паника, и он поддался ей, поскольку привык доверять своему чутью.

Он насиловал все ресурсы навигатора, петлял, словно заяц, по одному ему знакомым местам, использовал все доступные тактические приемы, но так и не отследил источник опасности. Отпустило только через несколько часов, когда он находился в противоположном от Центрального парка районе города, полностью выбившийся из сил и желавший, чтобы его, наконец, нашли, пристрелили и отстали.

Вот и сегодня то же самое. Им все больше и больше овладевало пока не столь сильное, но стойкое ощущение, что не стоит никуда идти, лучше остаться дома и вернуть золото.

До места добрался нормально, без приключений. И даже благополучно встретил клиента, проشمывнувшего в толпе мимо. Адолат не собирался устранять его здесь у всех на виду, у него другой план, но хотелось лично убедиться, что тот идет именно туда, куда должен идти вечером в среду, согласно данным заказчика. Ну вот и славно, на обратном пути он его встретит в заранее подобранном месте, выполнит это долбаное задание и жестко надеется, снимая двухдневное напряжение.

... Так он думал, но, отойдя метров на триста, вдруг вновь ощутил приступ.

Тот же самый приступ, что беспощадно гонял его вчера по всему городу. Ему вновь грозила опасность, опасность смертельная, и гораздо серьезней, чем все дроиды, вместе взятые, стреляющие поверх головы. Но он опять не увидел источник! Снова и снова вращал камеры, в надежде зацепить взгляд за что-то неправильное, нелогичное, третировал электронику, даже выпустил жучков-шпионов, потратив их впустую. Опять ничего не нашел. Ничего!

Тут его разобрало зло, сегодня он не уйдет! Это дело даже не репутации – чести! Или он сможет побороть себя и свой страх, или не сможет.

Трясущимися от волнения руками Адолат вновь набрал на браслете заветный номер. Он никогда не делал этого раньше, но паника заставила пойти против правил третий раз за два дня. Гудки. Минута. Другая. Нет ответа.

Из груди вырвалась матерная тирада. Не может такого быть, просто не может! Он звонил заказчику вчера вечером, правда не пытаясь отменить заказ, а всего лишь уточнить кое-что, ему показалось, что тот недоговаривал нечто важное о деле, что полностью меняет сумму его вознаграждения. И сегодня утром. Оба раза не дозвонился. Вот и теперь, уже третий раз. А ведь сейчас он хотел сказать, что в любом случае не будет выполнять заказ, пусть тот летит в космос со своими недомолвками. Но третий раз ответа нет.

Вот то самое место. Тихая улочка, людей немного. Клиент ходит по ней, срезая дорогу до подземки. Адолат проверил карту – красная точка расположилась в квадрате здания, где и должна находиться. Ну, хоть здесь все спокойно! От души немного отлегло. Порядок!

Достал сигарету. Хороший табачок, мексиканский, продирает так, что из мозгов выходит всякая дурь, оставляя голову светлой и работоспособной. Оглянулся. Тихо.

Улица представляла собой серию невысоких зданий с торговыми точками на первом этаже – кафе, магазины, рестораны и прочие подобные заведения. Выше шли второсортные офисы – район небогатый, не деловой центр, но и не нищий. Аккуратненькие такие офисы мелких фирмочек, где работают среднеобеспеченные клерки и недостаточно удачливые менеджеры. Он сам хотел одно время организовать себе такой под вывеской частного детектива, но передумал. Рядом с ним на информационном развале женщина-продавщица выставляла красивые заставки капсул газет и журналов. Дико для выходца из трущоб, но многие люди, особенно работающие в этом районе, предпочитают не качать информацию из сетей, а покупать ее на таких вот развалах. Капсулы периодики одноразовые, их не сотрешь и ничего поверх не запишешь, но в плане оформления издатели вшивают им такой интерфейс, с заставками и сопровождением – закачаешься! В сети подобную красоту не выкладывают, а потому хочешь насладиться стопроцентным виртуалом, окунуться в мир прекрасного, словно живого, журнала, купи! Особенно это касалось журналов мод и путешествий, в которых и без того немалые ресурсы разовой капсулы используются на полную катушку.

– Есть последний номер «Хочу быть красивой»? – услышал он звонкий девичий голосок.

К женщине за лотком из-за его спины подошла молоденькая фифа с темно-русыми волосами лет двадцати. Явная полукровка спортивного телосложения. Красивая! Хотя и с неправильным выделяющимся носиком, который, впрочем, не портил, напротив, придавал внешности нестандартную изюминку.

Адолат заинтересовался, ибо всегда был равнодушен к полукровкам. Он не жаловал атлетическое сложение, обожаемое в «имперском» секторе, но в Альфе редко встретишь иных девушек, и выбора не было. Маленькими шажками подошел ближе. Эх, если бы не работа, обязательно зацепил бы ее! И зажег. Главное начать, а дальше все получится само собой. А будет возражать, он возьмет ее и так, женская сила и показная мускулатура достаточно хрупкая вещь, на деле они ничего не стоят рядом с сильным мужчиной. Впрочем, обычно ему хватало обаяния, и заставлять их делать что-то приходилось редко. Конечно,

речь шла о нормальных женщинах, а не тех, что отдаются за деньги, но эта на таковых не походила.

«Но работа есть работа, а значит, не судьба», – одернул Адолат сам себя.

Он сделал глубокую затяжку, разочарованно вдыхая едкий дым, и вдруг понял, что нашел то, над чем безуспешно бился два дня. Нестыковка, взгляд зацепился-таки за нее. Одежда незнакомки. Скромный спортивный верх и не длинная, но широкая дорогая юбка сочетались плохо, не гармонировали. Он насторожился.

Фифа спорила с продавщицей о высоких женских материях – что с чем можно надевать. Продавщица явно получала удовольствие от дискуссии. Он не вслушивался, вглядываясь в девушку, все больше в его душе поднималась тревога. Дешевая спортивная майка на ней не сочеталась с дорогой юбкой, наверняка из бутика, и тем более не сочеталась с военным широким ремнем, пусть и с замененной на нечто гламурное бляшкой. Ремень не простой, со своими секретами. На него можно зацепить уйму вещей, и мало кто догадается, что они там есть. Ножи, миниатюрный пистолет, какие-нибудь стреляющие штуковины, небольшие важные приборы. Под юбкой же или в ее складках можно спрятать черта!

Задумавшись, он нечаянно выдохнул прямо в ее сторону. Фифа резко обернулась, глаза ее полыхнули огнем. Ну, натуральная львица!

– Молодой человек, вы не могли бы курить в другом месте? Подальше от меня?

Она... Она приказывала ему на правах сильного и не терпела возражений, вот что прочел он в ее интонации. Таким тоном командуют, а не просят. Сталь и огонь! И еще, посмотрела она на него как-то... Не так. Ну, не так смотрят на источник раздражения молоденькие девицы, пусть даже накачанные в спортивном зале и осознающие свою крутость. Она его как бы...

Правильно, она его знала. Таким тоном говорят с человеком, которого не близко, но знают, а не с первым встречным. В подобной ситуации срабатывает механизм оценки раздражителя как потенциального противника, и только потом, исходя из оценки, выдается предупреждение. Всего лишь доли секунды, но они должны быть! Девчонка же ответила сразу, оценивать раздражитель ей не было необходимости.

– Извините.

Он развернулся и пошел в сторону, откуда пришел, щелчком отправив сигарету в автоматическую урну. Вот и угроза. Первая зацепка.

– Нет, с синей блузкой лучше надеть... – С этими словами девчонка вновь повернулась к продавщице.

Он настороженно смотрел на нее через выход задней камеры, увеличив изображение. На боку фифы, под юбкой, проступило очертание того, что Адолат узнал бы с закрытыми глазами – ручной игломет AEG-109 усовершенствованной модели, мечта любого наемного убийцы. Очень маленькая, но достаточно мощная для своих размеров штука.

Паника захлестнула. Он ускорил шаг и собирался было перейти улицу, как нечаянно врезался в еще одну девичью фигуру. Та зевала по сторонам, что-то рассматривая, а он засмотрелся на полукровку у лотка.

– Ой, извините! – проворковала та с сильным «имперским» акцентом. – Я такая рассеянная! Вы не можете мне? – Она принялась что-то объяснять, но Адолат не расслышал.

Он пялился на ее тело. Еще одна гламурная фифа, в разы эффектнее первой! На первый взгляд всецело состоит из ног. Длинные, стройные, от ушей, идеально ровные. Почти не перекачанные, как у большинства местных. Узкие шортики, кстати не из дешевых, их не только не пытались скрыть, а наоборот, подчеркивали. Выше – талия с голым пупком, далее – величественная грудь. Вершили конструкцию девушки длинные волосы, выкрашенные в едко-красный возбуждающий цвет. Адолат почувствовал, как челюсть его непроизвольно опустилась, а слова улетучились.

Образ шлюхи, дорогой, но очень эффектной. На вид ей, по прикидкам Адолата, было не более двадцати – двадцати трех, но на самом деле она могла оказаться еще моложе.

– Я... – все-таки выдавил он. – Я... не могу.

Затем развернулся и побежал, не чувствуя ног под собой.

В сквере возле метро он успокоился. Что это он, как мальчишка, в самом деле? Интуиция, кричащая об угрозе, стихла, и он попробовал анализировать.

Итак, он увидел вооруженную иглометом девчонку, стоящую у лотка. Оружие ее под юбкой спрятано, его еще нужно отцепить и достать – непрактично. Люди, идущие на охоту, экипируются куда практичнее. На охоте роль играют доли секунды, и тратить их на то, чтобы вытащить замаскированное оружие...

Возможно, это какая-то гламурная шавка, имеющая хорошего папочку (либо папика), понтуется вседозволенностью. Иглометы ведь запрещены для населения, лишь легкие «Шмели» для частной охраны, а у нее сто девятый АЕГ. Возможно ли, учитывая ее внешность и район, где встретились? Вполне. А он испугался, словно смерть увидел! А от красноволосой чего удрал? Чего испугался? Эта вообще не вооружена, да и оружие прятать на теле... Хм-м-м, да негде прятать, все наружу! Идиот.

Раздумывая над этим, он выкурил еще пару сигарет и вдруг обнаружил, что точка клиента сдвинулась, тот возвращался. Рано, должно пройти еще больше часа! Но клиент не знал об этом и шел навстречу. Более того, шел уже достаточно давно, у Адолата оставалось мало времени, чтобы достойно его встретить.

Решение созрело быстро – идти навстречу и... ничего не делать. Да, именно так, он должен встретиться с ним лицом к лицу, но ничего не предпринимать. Пасущие его люди просто обязаны занервничать и раскрыться, а он – увидеть их и оценить угрозу. Он все-таки специалист! Единственное, что напрягало, – возможность получить иглу в затылок, если нервы у ребят окажутся совсем уж ни к черту. Именно этот миг он и должен поймать, пока нервы держат, а пуля не летит.

Выбросив пустую пластиковую пачку в сжевавшую ее урну, он пошел назад к злополучному лотку. По ходу движения купил в ларьке новую пачку, непрестанно всматриваясь в то, что творится по сторонам. Вывел на козырек еще два выхода, виды справа и слева, и теперь имел круговой обзор.

А вот и оно. Интуиция вновь запела песнь отчаяния, но на сей раз он чувствовал источник. Нежно-желтая «Эспаньола», припаркованная в пятидесяти метрах выше по улице. Да, так и есть, его пасут.

Он перешел дорогу к тому самому лотку, стал напротив машины и, закулив, как бы невзначай принялся сверлить последнюю глазами. Естественно, ничего не увидел. Что можно разглядеть в планетарном броневики? Но чем-то недружелюбным оттуда веяло.

Итак, откуда у лоха, парня не в теме, могущественные покровители? Кто они? Люди сеньора Кампоса? Кого-то из команданте? Бандеры? Силовики? Чем парень так важен им и не потому ли, что их сделка стала чьим-то достоянием, он второй день не может дозвониться заказчику?

В этом случае все не просто плохо, а очень плохо! Чтобы убрать ТАКОГО заказчика, нужно быть ОЧЕНЬ крутым!

Лучше об этом не думать. Убивать он однозначно не собирается, а значит, и его не тронут. Заказчику звонить он больше не станет, мысленно отпустив того в космос, а сразу после встречи с клиентом ляжет на дно, для этой цели заранее припасены несколько вариантов. Если успеет, конечно.

Почему бы ему не уйти сейчас, пока тот далеко? Ведь хорошее решение, верное. Но уйди он сейчас, ничего не узнает. Риск? Таковы особенности его работы, Адолат привык к

риску. Для него ремесло не средство выжить, а хобби, приносящее деньги, дело для души, а душа требовала остаться, вопреки голосу разума, и посмотреть опасности в лицо. Интересно, есть ли тут снайперы?

Мысль перескочила на более важное. Должны быть. Но где?

Он оглядел верхние этажи через камеры навигатора, покрутил головой, делая вид, что разминает шею. Да, есть пара мест, где он сам бы устроил логово. Значит, двигаться нужно плавно и не резко, чтобы его не восприняли как угрозу.

– Ой, снова ты? – раздался сзади удивленный щебет. – И опять с сигаретой?

Адолат обернулся. Как она умудрилась подойти незамеченной при его круговом обзоре?

Та самая полукровка в широкой юбке стояла сзади и довольно скалилась. В ее руках не было ничего, даже сумочки, при этом исходила угроза, как от вооруженного человека. Игломет, судя по складкам юбки, находился на месте, но он не стал бы атаковать девушку ни за какие пирожные. И вообще, лучше держаться от нее подальше.

Он отошел, думая, не задать ли стрелкача прямо сейчас? Но, отойдя метров на двадцать, передумал, та осталась на месте, вновь заведя беседу с лоточницей. Следовательно, она не по его душу? Тогда зачем?

Стало ясно через минуту, когда он заметил на другой стороне улицы точно такую же полукровку в аналогичной юбке. Более того, так же накрашенную, с точно таким же тоненьким навигатором без козырька на голове. Будто это виртуал, и одну из них скопировали со второй.

– ...мать! – выругался он на родном языке.

Его тупо обложили. И дают это понять. Зачем? Профи так не работают. В их жестоком мире или валишь ты, или валят тебя, третьего не дано. А возможности у них, скорее всего, имеются, учитывая АЕГ.

Дрожащий палец переключил козырек с линзы на карту. Клиент находился в нескольких минутах ходьбы. Ну, девочки, что теперь будете делать?

Девчонки бездействовали, показушно занимаясь своими делами. Адолат не сомневался, они не бойцы, а манекены-подставы. Но от этого не легче – на прицеле его держат настоящие бойцы, бежать бесполезно. Наоборот, тогда его, скорее всего, и грохнут. Пока же, стоя здесь, он вписывался в чей-то план, позволявший жить. Игра, смертельно опасная игра, в которой он ничего не понимал, оказавшись втянутым случайно. Но пока играет по правилам, все будет хорошо.

Сигарета догорела. Он машинально достал и прикурил следующую – которую за сегодня? Побок, главное выжить сейчас, а не через несколько лет. Он стоял почти неподвижно, поднося руку с зажатой сигаретой ко рту с черепашной скоростью, ждал, получая незабываемый кайф от непонятной игры. И не променял бы это ощущение ни на что. Знать бы еще, кто стоит за этим?

А вот и клиент показался из-за угла. Один. Хорошо. Взгляд рассеянный, чем-то озабочен. Кто же твои покровители, парнишка? Какая роль в их игре отведена тебе?

От парня вновь несло зверем, даже еще больше, чем вчера. Походка, осанка, выражение лица – все свидетельствовало о внутренней силе, скрытой и спящей до поры. Пересекаться с таким, когда тот выйдет из спячки, смертельно опасно. Потому, видать, его и заказали – зверей лучше бить, пока те маленькие.

События продолжали развиваться лавинообразно. Из кондитерской рядом с ним вышла еще одна (!) девчонка. Одета в неброские серые брюки и темную майку, невысокая (чуть ниже вооруженных близнецов), с темно-каштановыми волосами и большими выразительными карими глазами. Во взгляде ее Адолат тоже угадал зверя – хищницу, готовую броситься на жертву в любой момент. От этого стало страшно.

В королевских войсках не существует половой дискриминации, как на Земле, женщины там тоже служат. В том числе и в космодесанте. Их там единицы, но все равно есть. В основном иммигрантки в надежде получить подданство. Демобилизуясь, они, как правило, идут работать в частные силовые структуры – куда им еще идти – или в структуры криминальные. Или наемницами, которых олигархи набирают себе по типу королевы с ее корпусом телохранителей. Этакая мода, подражание. Их не стоит недооценивать, несмотря на то что это женщины, они способны на многое. Например, открутить Адолату башку. Противопоставить мужчинам в армии им нечего, мужчины сильнее, и они берут тем, чем могут, – хитростью, внимательностью, концентрацией, реакцией. И конечно, меткостью. То есть всеми качествами, лежащими в основе профессионализма. Он знал одну такую наемницу, она чуть не отрезала ему яйца за то, что в ее присутствии посмотрел на другую. Стерва!

Девочка перед ним тоже хищница, как и та сучка. Но при этом никак не походила на наемницу, не тот возраст. Женщин в армию берут с двадцати лет, стандартный контракт и учебка – минимум плюс шесть. Но обычно они остаются, развивая профессионализм в элитных частях, а это еще года четыре. Иммигранткам же нужно прослужить не менее десяти лет, чтобы получить подданство Короны и право уйти в отставку. Словом, настоящим наемницам никак не меньше тридцати. Этой же намного меньше.

– Жизнь не стоит трех тысяч золотом, Чиркаш, – бегло бросила неправильная хищница и довольно улыбнулась.

– Чего? – только и успел переспросить Адолат, почувствовав, как задрожали руки.

Девчонка не ответила. Быстро развернулась в сторону клиента и ускорила шаг, оставляя Адолата в раздумьях.

Тот почувствовал, как кровь застучала в висках. Чиркаш – его местное прозвище. «Три тысячи золотом». Деньги, отданные заказчиком. Они знают все. Действительно, он жив только потому, что вписывается в чужие правила игры, и его предупредили, чтобы он их случайно не нарушил. Версия, кто перед ним только что был, у него появилась. Бредовая и нереальная, но иной придумать не смог. Только бы он ошибся!

Девчонка поравнялась с клиентом. Тот одарил ее заинтересованным взглядом, не более чем обычное мужское любопытство – они явно незнакомы.

Через минуту он поравнялся и с ним. Адолат стоял и не мог понять, что от него требуется. Один неверный шаг, жест, и его пристрелят, хотя, не исключено, пристрелят за бездействие? Спасли рефлекс, срабатывающие по привычке действовать без мысленного участия хозяина, по одним лишь установкам.

– Сеньор! – обратился он к клиенту на испанском, делая шаг вперед. – Вы не подскажете, где здесь магазин со снарягой?

Адолат нервно выбросил недокуренную сигарету, и этот жест не укрылся от клиента. Тот напрягся, глянул волком, но это было не боевое напряжение. Он чувствовал в Адолате угрозу и был готов ее отразить, не страшился. Его взгляд как бы говорил: «Попробуешь – пожалеешь!» Да перед ним зверь, такой же волк, как и он сам.

– Русский? – переспросил вдруг парень на русском с «имперским» акцентом, дома так не говорят.

Адолат кивнул:

– Да. Как ты понял?

– Акцент. У тебя плохой испанский. – Парень пожал плечами.

Адолат почувствовал, как между ними тает напряжение. Хорошо. Но только между ними, но не между ним и снайперами, не надо забывать.

– У нас недолюбливают испанский. – Адолат натужно засмеялся. – Все вокруг только на русском говорят. Где ж его выучить?

– Бывает! – усмехнулся парень. – А сам откуда?

– Мирный. А ты?

Парень отчего-то засмутился.

– Местный я. Здесь родился. Но мать из-под Самары.

– Понятно! – закивал Адолат.

Земляк. Почти. Все они тут земляки, если говорят на русском. Впрочем, никаких предубеждений по национальному признаку, когда дело касалось работы, он не имел. Земляк? Если надо, и земляка завалим, только платите. Но парень этого не понял и еще больше по теплел.

– Угостишь сигареткой?

Адолат протянул пачку.

– Конечно.

Тот вытащил сигарету и прикурил ее от дорогой серебряной зажигалки с гравировкой. Круто!

– А тебе какая снаряга нужна? Тут много магазинов. Самых разных.

– Да с пацанами решили в Тараску слетать, по вершинам полазить.

– Тараска. – Парень усмехнулся. – Губа не дура!

– А чего мелочиться? – оскалился Адолат. – Если уж горы, то самые сложные!

Парень согласно кивнул. Похоже, разделял мнение.

– Вот сюда повернешь, потом три квартала и налево. Там в переулке хороший магазин, ребята хвалили. Рай для альпинистов-профи. Только, – он демонстративно задумался, – не похож ты на альпиниста. Смолишь, как паровоз, – и кивнул на пачку.

– А сам-то? – усмехнулся в ответ Адолат. – По виду – вроде спортсменов, а смолишь не меньше.

Парень вздохнул и трагично посмотрел на тлеющую сигарету.

– Да, есть маленько. Ну, давай, земляк! Удачи в Тараске!

Он протянул руку. Адолат в этот момент аж вспотел, но не пожать руку нельзя. Медленно, очень осторожно, словно опасаясь укуса, протянул свою ладонь. Что также не осталось незамеченным для парня, который лишь неопределенно хмыкнул.

– Увидимся еще?

– Не думаю. – Адолат отрицательно покачал головой. Не знал он, что ошибается.

Парень пошел дальше. Остановился у лотка, что-то набрал в виртуале и начал с кем-то разговаривать. Все это Адолат наблюдал, идя прямо по улице, в иконке заднего выхода. Вдруг рядом неизвестно откуда снова возникла шатенка и окликнула его:

– Стой!

Обернулся.

– Молодец, Чиркаш! – поздравила она. – Правильно решил. За это поощрительный приз – даем тебе фору в две минуты, заслужил. Беги, время пошло!

После чего демонстративно подошла к обочине, к которой тут же подъехал серый «Мустанг». Люк поднялся и из него... вылезла та самая длинноногая секси с красными волосами и плотоядно улыбнулась. В одной руке она держала «Жало», которое протянула шатенке, в другой S-5, армейскую рельсовую снайперскую винтовку.

– Время идет, сладенький! – стрельнула глазками шатенка и одарила его лучезарной улыбкой, после чего демонстративно отщелкнула магазин «Жала», проверяя гранулы для игл. – Лучше не стой!

Адолат кивнул и побежал. Уже на углу он увидел близняшек, подошедших к машине, одна из них доставала свое миниатюрное смертоносное оружие.

Он понял, кто это. Самая бредовая его идея оказалась реальностью. Неясно, почему именно они, ведь уж кому-кому, но Короне он точно дорогу не переходил! Однако размышлять недосуг – нужно было очень, **ОЧЕНЬ** быстро убегать!

Судя по тому, что он слышал, эти девчонки обожают смертельные игры, вроде охоты на людей, и словами не бросаются. Две минуты, значит, всего две минуты. Его огнестрел под спортивной курткой уверенности в себе не придавал, вся надежда только на ноги.

Гребаный заказ!

Часть первая

Соискатель

*Женщины – они такие же, как мы. Только приятные на ощупь.
Приколы «Русского радио»*

Глава 1

Корпус королевских телохранителей

Сентябрь 2447, Венера, Альфа, тремя неделями ранее

Поезд остановился. Довольный металлический женский голос произнес: «Площадь Независимости», переход на четвертую линию».

Ватные ноги вынесли меня на платформу. «Спокойнее, Хуанито, спокойнее! – подбодрил я сам себя. – У тебя все получится! Если ты сейчас наложишь в штаны и вернешься, будешь до конца жизни проклинать себя за трусость. Даже если тебя пошлют и не станут разговаривать – ты хотя бы попытаешься!»

Ободренный последней мыслью, я направился к эскалаторам.

Дворцовый комплекс очень большой, просто огромный. Настоящая крепость, способная выдержать орбитальную бомбардировку и противостоять штурму крупномасштабных сил противника, включающих танки и авиацию. Кроме дворцового шпиля он охватывает целый город: здания, в которых живет собственно королевская семья, помещения для зенитчиков и расчетов ПКО на случай пресловутого штурма, база и центр управления дворцовой стражи – тех парней в черном, помещения для прислуги, различные внутренние службы и, конечно, корпус телохранителей со всеми вспомогательными помещениями и полигонами. Дворец по площади сравним, пожалуй, с огромным куполом, уступающим разве куполу Центрального парка, и вместе со всеми постройками располагается прямо посреди Альфы, мешая городу нормально жить и развиваться.

Изначально его строили на отшибе, далеко за городской чертой, но тогда на всей планете обитало не более тридцати миллионов человек, такой огромный рост населения столицы закладывать в строительство казалось дикостью. Теперь же, через сто лет, огромная укрепленная цитадель, расположенная почти в центре города посреди куполов жилых и деловых районов, немного нервирует. Случись война, от бомбардировок дворца пострадают многие строения вокруг и многие живущие рядом люди.

Но это дело неизвестного грядущего, а пока все воспринимают как данность, что огромная территория города огорожена и выведена из хозяйственного обращения. По понятной причине добраться до дворцового комплекса можно много откуда, его периметр тянется не один десяток километров. Главный же вход расположен в центре. Точнее, главные входы, ибо их несколько. Судя по тому, что я слышал, напротив площади Независимости один из них.

Выйдя из вестибюля подземки, я понял, что ошибся в расчетах. Да, этот выход парадный, но в том и проблема, здесь меня никто не станет слушать. Возле входа показуха, полным-полно туристов, без конца снимающихся на фоне шпиля, проступающего через прозрачную крышу купола, построенную специально для этих целей, и на фоне одетых в парадную форму неподвижных дворцовых стражей. Следуя логике, будь я важной персоной, которую стражи обязаны выслушать и передать информацию дальше по эстафете, я бы

изначально обратился к ним в ином месте, где нет туристов, где охрана всего лишь несет службу, не заморачиваясь на показушное стояние с немигающим взглядом. С хода для прислуги, охраны и персонала, но никак не коронованных особ.

Sojonudo, и где же искать этот ход? При такой-то протяженности периметра дворца? Я про себя выругался.

Затем развернулся и направился к центру площади, здраво рассудив, что толкаться возле ворот на виду у всех не стоит. Странный паренек, ошивающийся неизвестно ради чего вокруг королевского дворца, явление подозрительное, а здесь с подобным не шутят. Надо пораскинуть мозгами и придумать, как действовать дальше, и площадь Независимости – не самое плохое для этого место.

Да, здесь есть на что посмотреть, как-никак, достопримечательность Альфы, да и всей планеты. В самом центре красуется большой фонтан, посреди которого высится монумент с барельефами, прославляющий подвиги нашего народа в войне за независимость. Фонтан красив сам по себе, нестандартный, смелой архитектуры и дизайна, с танцующими струями воды, а монумент – один из главных памятников в честь победы в той войне, этим все сказано.

Красивый монумент. Как живые, настоящие, с него смотрят на окружающих вооруженные чем попало люди в старых скафандрах, древние имперские истребители и профили космических кораблей. Потрясающий эффект! И все это в лучащихся струях воды, придающих облику фонтана дополнительную изюминку.

То была страшная война, жестокая. В ней погибла половина населения «имперского» сектора – несколько миллионов человек. Причем львиная доля не от бомбежек, а от банального удушья, ведь самый главный ресурс человечества – свежий воздух – на Золотой планете дороже золота. Вдобавок антисанитария, когда люди носили скафандры, не снимая по нескольку месяцев, поскольку не осталось помещений, где их можно снять и почистить. Да и сами скафандры от нагрузки ломались, люди гибли, задыхались, сгорали.

Существуют два типа ведения войны: земной и инопланетный. Земной плох тем, что невозможно развернуть крупномасштабное сражение с использованием всех научных достижений в области смертоубийства. Экосистема Земли слишком хрупкая, ударив в одном месте, затронешь по цепочке всю планету, которая полетит в тартарары экологической катастрофы. Кому нужна такая пиррова победа? Земля трижды стояла на пороге тотального уничтожения, и мировые державы, наконец, сделали соответствующие выводы. Сами, без навязанных извне конвенций и деклараций. Границы государств Земли почти не меняются вот уже три сотни лет, несмотря на всевозможные войны, прошедшие в этот период.

Но в бою земном, если увернулся из-под прямого удара, ты выживешь. Убежишь, отступишь, сдашься. Здесь же, на внеземных территориях, это слишком трудная задача. Венеру можно бомбить, используя весь арсенал, от ядерных до геологических бомб, это не приведет к катастрофе. Что будет и без того мертвой планете, отравленной естественными ядами? Да ничего! Просто станет еще более дискомфортно, но не сравнить с тем, что творится сейчас. Даже Марс в этом отношении защищен больше, там достаточно поднять пыльную бурю и спокойно вести партизанскую войну. Истребители противника в тучах песка не летают, танки имеют нулевую видимость и являются больше мишенями, чем охотниками, и судьба войны решается в схватках ослепшей, не видящей ничего по приборам, но по ним же невидимой пехоты.

У нас, начини планету бомбить из космоса, ничего подобного не произойдет. Купола и щиты, несмотря на их надежность, хорошую бомбежку не переживут, а уйти в подземелья не панацея, поскольку геологическую бомбардировку также никто не отменял. Что лучше, погибнуть на поверхности, в огне, или заваленным в подземелье?

Но даже если выживешь в этом аду, случится самое страшное – безысходность. Никаких коммуникаций, складов, целых защищенных помещений – один скафандр с ограниченным количеством воздуха, воды и еды. Здесь не Земля и спасения от удушья нет. Даже в плен тебя никто не возьмет – лишняя трата ресурсов.

Чтобы выиграть войну, у нас можно не уничтожать наземную армию, достаточно просто хорошо отутюжить поверхность. Потому Венера сильна не армией, пехотные части составляют малую ее часть, не силами ПКО, не орбитальными боевыми платформами, а флотом. Флот – единственное, что защищает нас от тотального уничтожения. Тогда нам повезло, имперцы юную Венеру не добились, но что будет, лишись мы единственного нашего оружия обороны и защиты?

Потому флот – элита королевских вооруженных сил, флотские контракты самые шоколадные из всех, а берут туда одного из десятка лучших.

Что-то я задумался, замечтался. Настолько, что не заметил очередной казус, который решила преподнести мне судьба. А именно идущую навстречу ее высочество принцессу Фрейю под ручку с «сыном Аполлона» Феррейрой. Caramba!!!

В метре от меня прошла черненькая, та самая, в почти таком же сером неброском костюме, менее роскошном, более «рабочем». За ее плечом болталось выглядящее почти карикатурным, но смертоубийственное «Жало» – игломет средней мощности для коротких дистанций. Она мимоходом глянула на меня так... что я чуть не подавился. Но сказать ничего не сказала, скривилась и отошла в сторону. Сбоку от инфанты и сзади я обнаружил еще вооруженные фигуры.

Ее высочество медленно вышагивала, улыбаясь и что-то горячо обсуждая с юным герцогом Феррейрой, указывая на барельефы. Тот ей спокойно объяснял, оживленно жестикулируя свободной рукой. Идиллия! Сразу видно, эти двое небезразличны друг другу. Впрочем, особой нежности, той горячей влюбленности, о которой столько пишут и снимают кучу фильмов, я не усмотрел. Да, мило беседовали, да, улыбались и смеялись, как близкие люди, но уж не как страстные возлюбленные. Не хочу судить, они уже столько лет вместе, но, кажется, Бэль права – Себастьян не настолько интересен ее высочеству, как ему хотелось бы.

Тут ее высочество повернулась и увидела меня. Улыбка тут же сползла с ее лица, она заметно напряглась. Я помахал ручкой и улыбнулся тупой-претупой, ни к чему не обязывающей улыбкой. Герцог Феррейра заметил ее напряжение и тоже обернулся ко мне, проследив за взглядом. В его глазах читалась открытая неприязнь, кто-то посмел позариться на принадлежащее одному ему, пусть это всего лишь невинная улыбка. Стойкое чувство неприязни к нему, возникшее еще на летучке, только усилилось.

«Кто это?» – прочел я по его губам. Фрейя что-то ответила, что – не понял. Затем она грубо потащила его в сторону, подальше от меня и фонтана.

Я стоял и следил за ними, парочка в окружении семи «ангелов», держащихся на расстоянии метров пяти-десяти, подошла к «Инспирасьону», тому самому, синему, окруженному на сей раз не черными «Либертадорами», а «Мустангами». Люки «Инспирасьона» поднялись, они залезли. Трое «ангелочков» последовали за ними, остальные расселись в переднюю и замыкающую машины.

Никакого оживления или ажиотажа прогулка ее высочества по людной площади, полной туристов и зевак, не вызвала, большая часть гуляющих ее вообще не заметила. Что удивило, судя по сводкам новостей, половина Земли спит и видит, как бы напакостить венерианским Веласкесам, не считая марсианских радикалов и наших собственных террористов.

– Больше так не рискуй, – раздался голос над ухом.

Я обернулся.

Черненькая, собственной персоной. Правая рука ее выжидательно замерла на стволе «Жала». Левая в латной перчатке сжата, будто ею только что набирали что-то в виртуале.

Перед лицом девчонки висело полузабрало, на котором можно было разобрать отзеркаленную схему площади и несколько подсвеченных разными цветами движущихся точек на ней. Это кроме текстов, таблиц и иконок видеовыходов. Под забралом проступали черты ее лица. Симпатичная девочка! Смуглая, чистокровная латинка, чуть полноватый нос, большие, но не накрашенные губы, выразительные брови, длинные ресницы. И еще глаза – колючие-преколючие, суженные в две напряженные щелочки, словно две льдинки.

– Как это? – недоуменно вскинулся я.

– Так. Если бы мы тебя не помнили, ты бы уже пировал с предками в чертогах Валгаллы.

Она развернулась, тоже намереваясь идти к машинам, но я окликнул:

– Вы что, отправляете в Валгаллу всех парней, позволивших себе помахать ручкой ее высочеству?

Она обернулась и высокомерно улыбнулась:

– Нет. Только в тех, у кого на голове электронные боевые системы.

Затем вновь двинулась в прежнем направлении.

Когда я очнулся, она уже была далеко.

– Стой! – Я попробовал пробиться и догнать, расталкивая зазевавшихся на моем пути туристов из Восточной Азии. – Подожди!

Естественно, она меня не услышала или не захотела разговаривать. На моих глазах ловко запрыгнула в «Инспирасьон», и все три машины тут же разом покатались по улице прочь. Меня вежливо окликнули сзади:

– Вы что-то хотели, молодой человек?

Обернулся. На меня смотрели точно такие же колючие едкие глаза невысокой шатенки-полукровки. Выглядела она, как и большинство окружающих, легко теряясь в толпе. Типовые черты лица, среднecокроткая бежевая юбка, серая кофта, под которой виднелась неброская светлая блузка, неяркая косметика, обычная дешевая сумочка. Но я нутром почувствовал, что эта девочка скрутит меня в бараний рог без всякого оружия, голыми руками, если только захочет.

«Разиня, как же, будет тебе гулять ее высочество в толпе, окруженная лишь восьмеркой телохранительниц! Вот оно – второе кольцо охраны, рассредоточенной вокруг девочки в гражданском. Наверняка тут не только девочки!»

– Тебе что-то нужно? – вновь спросила она, уже грубее, глаза ее сверкнули. Я открыл рот и понял, что не могу так сразу четко сформулировать.

– Да нет вроде.

– Тогда чего бежишь следом?

Я осмелел. Была не была.

– Спросить хочу. По профилю. Можно?

Девчонка усмехнулась:

– Ну, спрашивай.

– Как пройти к корпусу телохранителей? К каким воротам надо идти?

Она вновь усмехнулась, теперь уже задумчиво.

– Зачем тебе?

– Завербоваться к вам хочу.

Ответом стал продолжительный смех.

– Смешно! – наконец выдала она, успокаиваясь. Но все же ответила: – Восточные ворота. Со стороны проспекта Хосе Морелоса, ближе к Королевской площади. Это все?

Я кивнул.

Девушка развернулась уходить, но любопытство слишком великое искушение для слабого пола. Сделав пару шагов, она обернулась:

– Почему она от тебя нос воротит?

Понятненько. Эти девочки не в курсе. Возможно, и те не в курсе, они видели лишь один эпизод с моим участием, не факт, что на летучке Хуана Карлоса были они же. Я довольно осклабился:

– Любовь. Я женюсь на ней. Она этого не знает, но подсознательно чувствует.

Девчонка вновь рассмеялась. На сей раз более веселым и продолжительным смехом. Я тоже улыбнулся, вычленив при этом в толпе еще несколько улыбающихся молодых женских мордашек. Слышат друг друга. Соединены в единую сеть.

– Да уж, жених! – покачала головой моя собеседница, отсмеявшись. – Бывай!

И теперь уже не оглядываясь растворилась в толпе. Я же развернулся назад к входу в метро. До Королевской проще доехать, чем тащиться пешком.

А кто его знает, может, действительно женюсь? Ну, не пара ей этот Феррейра!

Восточные ворота. От метро близко, это хорошо. И сами они не в центре, а как бы в стороне от оживленной улицы, не бросаются в глаза. Зевак тут нет, тех, кто пытается наблюдать за воротами, видно издалека, посему я решил не стоять в раздумье, а сразу направился к дюжему стражу в идеально черных доспехах без опознавательных знаков, лениво прохаживающемуся перед ступеньками.

– Здравствуйте.

Страж при моем приближении напрягся, как бы невзначай кладя руку на игломет.

– Мне нужно увидеть кого-нибудь из «ангелов».

Пауза, оценивающий взгляд. Наконец, он вытянул руку в останавливающем жесте и указал пальцем на место, где я стоял. Ага, стой, жди здесь. Чтобы он что-то говорил – не видел, хотя шлем его был открыт. Наверняка у них тут полно невербальных средств связи.

Минут через десять ко мне вышли две стройные девушки, точнее, женщины, просто очень уж стройные и атлетически сложенные, одетые в одинаковые красивые белые доспехи с гравировкой и гербом Веласкесов на груди, как у присутствовавших в школе.

Первой было немного за тридцать, носила она по гоны майора (а майор госбезопасности – это покруче армейского полковника). Черные глаза, черные волосы и длинные выразительные южные ресницы. Судя по уверенным движениям и властному выражению лица, сеньора привыкла отдавать приказы, что подтвердилось, когда парни в черных доспехах, охраняющие шлюз, благоразумно расступились при ее появлении, пропуская обеих «хранительниц» вперед, и еле заметно кивнули. Из оружия у сеньоры майора имелся лишь ручной игломет на поясе, но, глядя в ее глаза, не оставалось сомнений, что и он ей не нужен. Такая убьет одним взглядом.

Второй на вид где-то под тридцать, точнее не скажу, лицо было наполовину скрыто козырьком, причем не голографическим, а пластиком-металлическим, изображение смазывалось. Единственное, что разглядел четко, – большая красная точка на козырьке, которая меняла положение по мере того, как сеньора поворачивала голову, не отрывая от меня взгляда. В руках она держала массивный «Кайман», тяжелый армейский многофункциональный игломет. Убойная штука! Иначе говоря, если я поведу себя неадекватно...

Хорошо-хорошо, я понятливый!

Майор остановилась на две ступеньки выше и осмотрела мою персону сверху вниз внимательным изучающим взглядом, пытаюсь понять, кто я такой и что мне нужно. Затем ее глаза зацепились за папку, которую я держал в руках.

– Иди за мной, – скупно бросила она, развернулась и пошла наверх.

Я вздохнул и быстро последовал за ней. Сердце выпрыгивало из груди от волнения. Сейчас все решится. Вторая «хранительница» пристроилась сзади, я мельком бросил взгляд на ее оружие – там горел красный огонек боевой готовности.

*«Все серьезно, Хуанито, все по-взрослому. Тут не играют в игрушки!»
«Да знаю я!»*

Поднялись, прошли мимо безмолвных стражей, равнодушно посмотревших сквозь меня. Вошли. Навалилась темнота.

– Стой здесь, – пригвоздил к полу отозвавшийся гулким эхом голос.

Раздалось жужжание. Люк за нами закрылся, но открылась маленькая металлическая дверца сбоку, из нее ударил яркий свет.

– Заходи.

Мы вошли в той же последовательности. Дверца, жужжа, закрылась. Мне вежливо указали на вмонтированное в стену сиденье.

Сел. Обе «хранительницы» стали напротив, пристально меня разглядывая. Когда под потолком загорелась красная лампочка, сеньора майор спросила:

– От кого и кому сообщение?

Я осмотрелся, пытаюсь понять, как себя вести. Комната эта цельнометаллическая, наверняка под обшивкой свинец. Стены толстые, когда заходили, обратил внимание. В них нет ни единого просвета, даже щелей от люка, если бы не знал, где он, ни за что не догадался бы. Акустика глухая, звук слышен как бы со стороны, но больше чем уверен, подавляется здесь не только и не столько звук, последний, скорее, побочное проявление иной, более мощной глушилки.

Как я выяснил позднее, в таких комнатах не работает даже мой (теперь уже мой) совершенный навигатор. Точнее, работает, но не может связаться с браслетом и вести запись. Приборы попроще вообще перегорают.

Комната – защищенное от прослушки помещение, «допросная», сигналы из которой наружу не вырвутся, а вся электроника внутри подавляется. А красная лампа – знак того, что система подавления работает. Значит, меня приняли за информатора, доставившего «с улицы» важное сообщение от какого-то засекреченного агента. Прикольно!

...Было бы, не будь это опасно. Если сеньоры во мне разочаруются, быстро вышвырнут, не дав сказать слова, и это будет весьма хорошим окончанием моей эпопеи, учитывая «Кайман», точку на забрале и юридическую неприкосновенность «ангелов».

С навигатором я лопухнулся. Знал же, куда шел, а эта вещь в продаже не валяется и перепрошита, что вдвойне опасно. Спецслужбам только дай прицепиться. Но когда выходил из дома, надел его машинально, по привычке, не задумываясь о последствиях.

Встреча с охраной инфанты открыла мне глаза на то, что это – серьезная игрушка, и абы кто такую не носит, к ней обязательно прицепятся. Тем не менее, по здравом размышлении, решил не отвозить его назад. Сейчас навигатор должен превратиться в средство, которое заставит девочек меня выслушать. Вот вы бы, например, стали на их месте слушать парня с улицы, несущего детский лепет насчет обучения у них? Я бы не стал. А слушать парня с улицы с боевой системой на голове?

Да, ко мне отнесутся настороженно, начнут проверять. Но навигатор чист, максимум, они выйдут на Бэль и ее семью, а те уж как-нибудь выкрутятся. Меня же выслушают и, если повезет, обдумают предложение. Конечно, опасная авантюра, но что делать, главное результат. Я больше не хочу быть ничего не могущим неудачником, все или ничего.

– Я не информатор. И не посыльный. Пришел сюда по личному вопросу.

– Какому же? – Глаза сеньоры майора прищурились, я ее заинтересовал.

– Хочу стать королевским телохранителем.

Молчание.

– Повтори. – Сеньора нахмурилась.

– Я хочу стать королевским телохранителем, – повторил я. – Таким же, как вы. Они недоуменно переглянулись, видимо решая, шучу я или издеваюсь.

– Парень, ты в своем уме? – наконец воскликнула майор.

– А что тут такого? – гордо вскинулся я.

– Начать с того, что ты мальчик.

– Я не мальчик. Я юноша.

Смешок.

– Главное – не девочка.

– А где в вашем уставе записано, что вы принимаете только девочек? Что мальчиков запрещено?

Вновь молчание.

В последнем заявлении я рисковал, такой пункт запросто мог существовать. Но, судя по словам Хуана Карлоса, по поводу их попыток когда-то брать мальчиков на обучение, вероятность этого невелика. А ему я доверяю, не знаю, откуда у него вся его информация, но то, что он говорит, всегда верно или близко к истине.

Я угадал, так и есть. У сеньора не нашлось аргументов возразить.

– Парень. – Майор усмехнулась не сулящим мне ничего хорошего тоном. – Вставай и двигай отсюда. Я делаю вид, что тебя не видела, ты делаешь вид, что сюда не приходил.

Грубо, очень грубо, сеньора! Последний аргумент – крайний, за неимением более весомых. Я отрицательно покачал головой.

– Нет? – В ее тоне вновь скользнуло изумление. И раздражение. – Тебе помочь?

Вторая «хранительница» опустила оружие и довольно оскалилась, воспринимая происходящее как забавную игру. И я понял, меня не воспринимают всерьез. Их даже не заинтересовал мой навигатор.

Все, сейчас вышвырнут. Посмеются, поглумятся и забудут о моем существовании. А там, за спиной, осточертевшая школа с осточертевшими Бенито Кампосом, Эммой Долорес и кучей иных осточертевших персонажей. И Бэль, девочка-аристократка, потерянная навсегда. Я не смогу смотреть ей в глаза, даже если она меня найдет. Она ничего обо мне не знает, но для таких людей поиск – лишь вопрос времени, захочет – найдет обязательно.

Вот только зачем ей какая-то тряпка?

– Знаете, сеньора, мне кажется, кадровый вопрос такой организации, как корпус телохранителей, не входит в компетенцию дежурного офицера, – огорошил я их и почувствовал, как глаза мои зло сверкнули. Все, ва-банк, отступить некуда. Наверняка наша беседа записывается, и если сеньора майор меня вышвырнет после этих слов... У нее могут возникнуть проблемы.

Улыбки у обеих как ветром сдуло. Майор прищурилась и вновь посмотрела на меня, но уже по-другому. Что-то во мне увидела новое и весьма для себя неприятное. Наконец, нехотя выдавила:

– Сиди здесь. Жди.

Затем забрала у меня папку с документами, навигатор, потребовала снять браслет и тоже забрала.

– Сам напросился! – бросила она через плечо, после чего люк, точно такой же, только с другой стороны комнаты, открылся, выпуская обеих «хранительниц», а затем встал на место, отрезая меня от внешнего мира.

* * *

Я остался наедине с собой. Не так, НАЕДИНЕ с собой. В наш век виртуала, космоса и глобальных информационных сетей люди с рождения привыкают к информации, как вер-

ному спутнику жизни. Сейчас трудно представить, что когда-то люди жили без браслетов, ведь они такая же необходимость для человека, как рука, нога, печень или почки. Без него человек как без любого жизненно важного органа. Идентификационный чип, заменяющий паспорт. Банковский модуль, на котором можно хранить наличность. Устройство связи. Простейшие проги, типа словарей, ориентировщиков на местности, вычислителей и убивалок времени. Книги. Фильмы. Игры...

Браслеты – наше ВСЕ, и, оставшись без своего – части себя, я банально не знал, чем заняться.

Больше всего скучал по убивалкам времени – простейшим тупым игрушкам без четкой цели, занимающим все внимание. Конечно, без навигаторов, виртуального интерфейса они смотрятся слабенько, но играть можно.

Думать о чем-то сейчас бесполезно. Я не узнаю, что решили сеньоры королевские телохранительницы, пока они сами об этом не сообщат. Оставалось сидеть и ждать, ничего не делая, ни о чем не думая.

Это оказалось довольно тяжело – сидеть и ждать. Mierda, да когда же они меня, наконец, проверят? Вроде в моей персоне нет ничего экстраординарного! Родился, жил, учился, сошел с ума, решив явиться к ним, – вот и вся биография. Ах да, «школьное дело», как окрестили его СМИ. Странно, но мое имя не попало в программы новостей, будто кто-то специально дал установку этого не делать. Оно расходилось по планете, но медленно, неофициально, от знакомых к знакомым, при этом теряя романтику. Для миллионов венериан я так и остался безликим школьником.

Я догадывался, кто это сделал. Но не до конца понимал мотивы. Зачем ЕЙ покрывать и отмазывать какого-то школьника? Именно отмазывать, слава – не то, о чем я мечтаю. Во всяком случае, не о такой славе. Наверняка она не хочет, чтобы в другой такой же школе появился «мститель», подобный мне, который, глядя на мою физиономию, направо и налево раздающую интервью, захочет сделать то же самое. А возможно, более мощное и смертоносное, заранее спланировав и срежиссировав порядок действий.

Иначе говоря, чтобы никто из моих сверстников в других школах не устроил кровавую бойню, желая прославиться так же, как их кумир, сеньор Шимановский из школы генерала Хуареса. Она ведь королева, должна думать и об этом. Но все равно не понимал, не вязалось это действие с образом безликой пофигистской власти, плюющей на народ в целом и особенно на конкретных его представителей, если ей (власти) они не нужны. Скорее бы понял, накажи меня вместе с отморозками Толстого, за хулиганство, ношение оружия и боевых систем. Но что есть – тому и рады, могло быть хуже.

Почему мне не нужна слава? Интересный вопрос, раньше как-то не задумывался над ним. Наверное, потому что человек, если чего-то хочет, должен поступками доказать, насколько он достоин своих притязаний. Иначе превратится в трепло, которое жизнь быстро поставит на место. Это сродни последнему эпизоду с Толстым. Безусловно, я доказал в школе, что при стечении обстоятельств могу выстоять против него и его шоблы. Но суббота ясно продемонстрировала, что это единичный случай, серьезное противостояние я проиграю. А значит, не стоит строить из себя супермена, способного одной левой побить целую банду.

В жизни всегда так. Пытаешься играть роль? Докажи, что потянешь ее! Не можешь? Иди на дно, никому не нужный, всеми забытый!

И еще, к чему мне слава скандалиста и драчуна? Ну, помелькает моя мордашка в сетях, но потом-то, когда пройдет время и я окончу школу, это сыграет злую шутку. Кому нужен работник с таким-то хвостом? Нет уж, пусть все остается так, как есть. Неидеализированный Шимановский, не подбивающий других на масштабные акции протеста и неповиновения,

дающий очухавшимся властям сделать, наконец, работу, которую те обязаны были сделать давным-давно. Решающий лишь свои собственные конкретные проблемы, не трогая других людей.

Интересно, как повлияет «школьное дело» на возможное решение по моему принятию или непринятию? То, что раскидал около десятка сверстников, – хорошо, может сойти за плюс. Но у «хранителей» совсем иной уровень подготовки, который и рядом не стоял с моим. Любая из них просто свернула бы шеи обидчикам, быстро и жестоко, не напрягаясь. С этой точки зрения мой поступок, возможно, их не впечатлит.

Что-то я об абстрактном да об абстрактном. Будь что будет!

Поскольку браслета на мне не было, я не знал, сколько времени проторчал в «допросной». Явно не один час. Наконец, когда уже хотелось лезть на стену и выть, люк с внешней стороны открылся, и в помещение вошли две безликие девицы, вооруженные до зубов, в закрытых полушлемах, и майор. Последняя ехидно скалилась, я сразу же почувствовал себя не в своей тарелке – что-то будет.

– Пойдем, герой, – усмехнулась она. Но вроде не зло, скорее весело.

Я поднялся.

– Почему герой?

Мой вопрос вызвал новый смешок.

– А как же тебя назвать? Явился в логово «ангелов», злых и кровожадных, ничего не боишься. А вдруг мы тебя на вертеле зажарим? Будем жарить и смотреть, как ты орешь, когда языки пламени начнут лизать спину?

Кровожадная малышка! Она начинает мне нравиться!

– Тогда скорей уж самоубийца! – усмехнулся я. Интересно, они над всеми новичками так тупо шутят? Или топорность обусловлена тем, что новичков-то вроде меня у них и не бывает?

Мы шли долго, ввиду отсутствия браслета не знаю сколько, но никак не меньше пятнадцати минут. Дворцовый комплекс мне понравился – везде чисто, светло, много деревьев, цветов и иной зелени. Сразу видно, за территорией ухаживают, хотя это не сам дворец, а вспомогательные служебные помещения. Людей вокруг почти нет, так, мелькает кто-то вдалеке. Я не успевал разобрать кто. Несколько раз проезжали мимо по своим делам хозяйственные дроиды. Крыша купола – отдельная тема, прозрачная, пропускающая внутрь сумерки венерианского вечера. На Венере вечера длинные, как ночи и дни. Сутки длятся более полугода, так что более ста дней в году здесь хорошо – включено естественное освещение. Правда, прозрачные купола менее прочны, чем глухие, но это все-таки дворец, найдется, где спрятаться в случае пробоя или, не дай бог, атаки или бомбежки.

Мы подошли к красивому зданию с белыми и розовыми мраморными колоннами, облицованному такой же бело-розовой плиткой. Метрах в пятидесяти-ста перед ним простирался сад, создавая у идущего сквозь него ощущение покоя и уюта. За ним до самого здания простиралась голая бетонная равнина, на которой невозможно спрятаться и которую легко простреливать из всех трех виднеющихся отсюда бойниц. Ага, бойниц, здание не имело окон.

Позже, значительно позже я узнал, здание имеет такую систему обороны, что штурмовать его не рискнет и самоубийца, а бойницы здесь для наглядности, заманухи, дабы, случись штурм, отвлечь внимание нападающих. На самом деле в первом контуре защиты находятся автоматические крупнокалиберные спаренные пулеметы, вмурованные в стену и выдвигаемые в случае нужды. Есть еще второй и третий контуры защиты, что входит в них, боюсь даже представить.

Мы подошли к шлюзу входа, настоящему бронированному планетарному шлюзу, какие стоят на стыке двух куполов или куполов и поверхности, но это меня уже не удивило. Вход

охраняли еще трое бойцов, и тоже лет под тридцать. То, что здесь служат до тридцати пяти, я знал, но какова их дифференциация в зависимости от возраста?

Стоявшая ближе всех сеньора с погонами лейтенанта вошла вместе с нами и открыла в боковой стене шлюза люк, аналогичный тому, как у ворот, с такой же «допросной». Вошли внутрь. Там нас уже ждали две «хранительницы» с непонятными приборами в руках и сдвинутыми на глаза непрозрачными козырьками.

– Лицом к стене! Руки в стороны! – бодро скомандовала лейтенант.

Я повиновался. Девушки с козырьками принялись водить по моему телу приборами, иногда вызывая на коже и под ней покалывания.

– Чисто, – донеслось справа.

Затем меня банально ощупали, причем щупали профессионально, проверяя, не спрятались ли под кожей какой-либо лишний бугорок неестественного происхождения.

– Он чист, – поднялась та, что слева.

– Тебе повезло, парень, – разочарованно протянула майор, все так же ехидно улыбаясь.

Я проглотил большой комок.

– Иди следом!

Мы вышли из проверочной обратно в шлюз. За нами опустилась передняя створка, задняя зашипела и поползла вверх. Люк открылся. Передо мной тянулся длинный коридор, освещенный неяркими желтыми лампами, уходящий вдаль на сотню метров. Вот она, святая святых корпуса, одно из самых защищенных мест на планете!

– Чего стоишь, пошли! – Майор весело толкнула меня в плечо, и мы двинулись. Вдвоем, охрана осталась у шлюза.

На сей раз она шла рядом, не сдерживая довольную усмешку.

– И какая же муха тебя укусила, что ты решил податься в самоубийцы? – Ее голос был не злым, ненависти, как мне показалось в первой проверочной, она не испытывала. Сейчас ею двигал лишь интерес пресытившегося на работе скукой офицера. Я меланхолично пожал плечами:

– Так получилось.

Дальше шли молча, петляя по коридорам, останавливаясь перед гермозатворами, куда моя спутница прикладывала руку с браслетом, после чего они отъезжали вверх или в сторону.

– Как все запутано! – усмехнулся я, не выдержав, кивая на коридор, следующий за очередным затвором. – Если не знать, что тут где, враз потеряешься!

– Не потеряешься. Тут все под наблюдением, – ответила моя спутница. – Ты-то, возможно, потеряешься, но тебя быстро найдут. К тому же не так уж тут и запутано. Если знать, где что, не заблудишься.

Понятненько.

Мы подошли к двери, которая, судя по всему, и была нашей целью. Сеньора майор вновь приложила браслет, дверь открылась. Вошли.

И оказались в большой просторной светлой комнате с длинным столом из натурального дерева, во главе которого сидела...

...Красивая сеньора с белыми, точнее, золотыми волосами, волнами спускавшимися на плечи, которой я бы дал не больше тридцати, хотя ей однозначно больше. Сколько – затрудняюсь предположить, но не меньше сорока. Просто очень хорошо, великолепно сохранившаяся сеньора!

Одета она была в форменную белую блузку «ангелов» с взлетающим кондором на шевроне и эмблемы на кармане в виде золотой Короны. На стуле рядом с ней висел форменный белый китель, на котором отчетливо выделялись золотые погоны полковника. Мод. Очень красивая мод! И, в отличие от Бэль и Сильвии, отнюдь не со смуглой, а молочно-белой кожей.

Невероятно редкий цвет. На губах сеньоры играла добродушная улыбка, но я бы не стал расслабляться – было что-то в ней колющее и бескомпромиссное. Опасная, весьма опасная сеньора! Судя по всему, внутри она не злая, но строгая. К тем, кто оступился, вряд ли проявит снисхождение.

Строгая сеньора кивнула моей провожатой, та молча кивнула в ответ и удалилась. Люк закрылся. Мы остались наедине.

Молчание. Я стоял на том же месте, не смея двигаться, она смотрела на меня, не проявляя эмоций, делая какие-то выводы по поводу моей внешности.

Перед сеньорой лежали отнятые у меня вещи – браслет, навигатор и папка с документами. Открытая папка. Невдалеке стояла большая ваза с натуральными фруктами – бананы, яблоки, ананас, персики, что-то еще, мне незнакомое. Я непроизвольно сглотнул – нам с мамой такая роскошь не по карману. Нет, иногда мама позволяла себе купить подобное, не часто, по праздникам, но не в таком количестве.

– Угощайся, – услышал я довольный голос. Мягкий, какой-то бархатистый. Но одновременно грубоватый, с хрипотцой. Я вновь сглотнул, неужели смотрел настолько жадно? Позорище!

Сеньора полковник явно получала удовольствие от моей неловкости. Потом указала мне на кресло недалеко от себя.

– Присаживайся, Хуан Шимановский.

Я сел. Она достала из ящика стола перед собой сигарету, зажигалку, прикурила и смачно затянулась вонючим дымом с запахом ментола. Как можно потреблять эту гадость? Я не про ментол, про табак. И тут же понял, что не так у сеньоры с голосом, – последствия курения. Наверху, в потолке, зажужжала автоматически включившаяся вытяжка.

– Сразу первый же вопрос, почему при такой фамилии у тебя такое странное имя?

Я пожал плечами:

– Это надо спросить у мамы. Наверняка что-то связанное с отцом, не знаю, кто он, как его зовут.

– Печально, – потянула сеньора. – Меня зовут Мишель, Мишель Тьерри, я возглавляю корпус телохранителей. Как считаешь, в мою компетенцию входят кадровые вопросы?

Я вновь пожал плечами, мне это стало надоедать, но иной реакции на шпильку не придумал.

– Сеньора, поймите меня правильно, я не хочу относиться к вашим офицерам с вызовом или, не дайте высшие силы, неуважением, просто желаю, чтобы меня банально выслушали, а уже потом вышвыривали.

Она кивнула:

– Считаю, у тебя получилось. Я тебя слушаю.

– Я... – Я раскрыл рот и понял, что растерялся.

Сеньора Тьерри вновь улыбнулась.

– Куришь? – кивнула мне.

Я отрицательно покачал головой.

– И вам не советую. Вредно это.

Она засмеялась:

– Мальчик, все мы сдохнем. Кто-то раньше, кто-то позже. Позволь уж мне самой решать, какое удовольствие и в каком количестве перед этим я получу.

Я опасливо заткнулся. Нашел кому морали читать о вреде курения! Сеньора мои волнения заметила и вновь улыбнулась.

– Ты остановился на том, что не знаешь своего отца.

Я кивнул:

– Да, не знаю, кто он, а мать не говорит. Никаких документов с его именем, везде фигурирует только мать. Это ее фамилия, Стефания Шимановская, потому такой казус с именем. Я даже не похож на нее нисколько, весь в неизвестного мне отца!

– Бывает, – потянула сеньора, выпуская ароматно-удушающую струю дыма. – Она полька?

Скорее утверждение, чем вопрос. Я кивнул:

– Да, но не из Полонии, а из русского сектора. Она в большей степени русская. Я даже языка польского не знаю.

– Значит, ты у нас русский, Хуан Шимановский? – В ее глазах появились веселые искорки.

Я задумался.

– Наверное, нет, сеньора. Я больше латинос, хотя язык знаю. Меня так воспитала мать.

– У тебя очень мудрая мать! – усмехнулась вдруг сеньора, гася остаток сигареты в красивой фарфоровой пепельнице в виде большого китайского дракона. – Очень правильно поступила.

Я вдруг почувствовал, что она говорит предельно серьезно.

– Почему?

Любопытство когда-нибудь меня погубит, но надеюсь, не скоро. Сеньора Тьерри бегло пожала плечами, не желая развивать эту тему:

– Потом поймешь. Как ты к ней относишься?

– В смысле? – не понял я.

– В смысле ее прежней профессии. Как ты относишься к ней из-за этого?

«Что, Шимановский, обломался? А как ты хотел, в руках этих людей все планетарные базы данных. Или думал, что сей факт останется за бортом?»

«Нет, не думал, – сам себе ответил я. – Но эта сеньора так спрашивает. С хитринкой в глазах. Будто проверяет!»

«Почему «будто»? И есть проверяет. Психи им тут не нужны, они только адекватных берут. Твое отношение к матери, Хуанито, для их тестов значит многое. И учти, Шимановский, врать даже не пытайся! Посмотри в ее выжидательные глаза, она тебя уже тестирует! Эта сеньора – психолог, и в момент раскусит любую ложь».

Я решил внять предостережению внутреннего голоса, отвечать четко, как есть, не юлить. В конце концов, это не так уж и важно. Главное, кто я сейчас, кем меня вырастила и воспитала мать, а не то, чем она когда-то занималась и кто мой отец.

– Раньше комплексовал из-за этого. Но сейчас смирился. Я люблю ее и уважаю. Она – мать, и вырастила меня неплохим человеком, что бы ни было раньше. Все остальное не главное в жизни, ведь так?

Сеньора удовлетворенно кивнула:

– Так. Скажу больше, в отличие от большинства присутствующих в этом здании, ты знаешь, кто твоя мать и что она хороший человек. – В глазах сеньоры промелькнула непонятная грусть. – Делай выводы!

«Вот так, Шимановский! Ты здесь еще и в тузах! – усмехнулся я про себя. – Кто такие «ангелы»? Приютские сироты, дети пьяниц, бывшие беспризорники, те, кого оставляют в роддоме и прочие будущие низы общества. Несмотря на свой невеселый статус за пределами этого заведения, ЗДЕСЬ ты – объект зависти. Ну как, доволен, что нашлось такое место, где твое происхождение считается недостижимо высоким?»

– Расскажи о себе, – неожиданно сказала сеньора, разваливаясь в кресле и закидывая ногу за ногу, явно готовясь получать очередную порцию удовольствия. По ее напряженным глазам я понял, тестирование продолжается. – И о том, почему решил вербоваться, какие причины на то тебя подвигли.

Глава 2

Собеседование

– Вот так, сеньора, все и случилось. Ее увезли, а я...

– Почувствовал свою неполноценность. М-да! – Сеньора полковник задумалась. – И решил стать крутым. Чтобы в следующий раз дать обидчикам достойный отпор.

Я красноречиво устался в пол.

Я рассказал свою историю, ничего не переделывая и не утаивая. В смысле, не переделывая настолько, чтобы она могла показаться ложью. Но, скажем, знать, что Бэль аристократка, им совсем не нужно. Это пустая, ни на что не влияющая информация, мне было бы приятнее, оставайся эта девушка лишь моей. Чтобы они не искали и не трогали ее. Я не назвал имя, просто сказал, что она из обеспеченной семьи, не уточняя, насколько обеспеченной. То же и с навигатором: подарили – да, подарили. Хотите взять на экспертизу – берите. Если припрет – скажу, а так...

Имя Виктора Кампоса ей было известно, тут она заинтересовалась, но о «школьном деле» информации почти не имела, лишь ту, что выкладывают в общих сетях, без пикантных подробностей. Мой бой с отморожками Бенито ее тоже заинтересовал, она откуда-то тут же скачала и несколько раз прокрутила его запись, выпрашивая про скользкие моменты. И, судя по выражению лица, я ее приятно удивил.

– Теперь меня выставят за дверь? Ведь я пришел сюда из корыстных целей. – Я не удержался и нарушил ее раздумья.

Она покачала головой:

– Нет, почему же?

Затем поднялась, подошла к стоящему в дальнем углу кабинета большому шкафу, на деле оказавшемуся кухонной панелью, вытащила горячий чайник и поставила на стол. Затем из другого шкафа, теперь уже настоящего, извлекла несколько вазочек – конфеты, печенье, вязкая жидкость темно-вишневого цвета с ложечкой внутри. Все это добро также было перемещено на стол.

– Чай будешь?

Не вопрос, скорее утверждение. Но я вдруг понял, что за ожиданием и беседой прошло много времени, я проголодался и отказаться не смогу.

– Буду! – честно ответил я, пожирая глазами то, что простиралось перед ними. Сеньора перехватила мой взгляд, усмехнулась, но промолчала.

Заварив чай в чайнике из настоящего звонкого хрупкого даже на вид фарфора, она разлила его по чашкам и придвинула одну из них ко мне.

– Мы много лет с мужем жили на Земле, в Парамарибо. Знаешь, там наша база?

Я кивнул. Слышал. Одна из двух военных баз, арендованных Венерианским королевством у союзной Империи. Там живут в основном наши флотские и десантники, из расквартированных на Земле частей. Точнее, их семьи.

– Мой муж – офицер флота. Я в свое время сбежала с ним, и мы провели там многие годы.

Она налила мою чашку до верха. Из нее тут же повалил ароматный пар. Я принялся – ничего похожего на привычный чай в этом аромате не было.

– То, что здесь считается чаем, – дерьмо, поверь мне! – Сеньора села на место и с выражением глубокого наслаждения сделала крохотный глоток, придерживая другой рукой блюдце под чашкой. – Угощайся, не стесняйся. Это варенье. – И она вновь проследила за

моим взглядом на темно-вишневую вазочку. – Не фабричный джем, а настоящее домашнее варенье, сами делаем для себя.

Я отхлебнул глоток. Кончик языка с непривычки обожгло, я скривился. Мои ужимки лишь позабавили сеньору.

– Ладно, подожди чуток. К кипятку привыкнуть надо, иначе вкуса не почувствуешь.

Я кивнул и отставил чашку. Рука моя тут же непроизвольно потянулась к конфете в золотистой бумажке – я видел такие в дорогом магазине. Они продавались не на вес, а поштучно. Разумеется, о том, чтобы купить и попробовать, речи не шло. Сейчас же такая возможность представилась.

Да, умеют жить люди! Хорошо, когда у тебя есть деньги! Вкус конфеты оказался божественным, хотя и немного горьковатым, но это натуральная горечь. «Babaevskie» – гласила надпись на обертке, черная на золотом фоне.

– Русские?

Сеньора кивнула и сделала еще глоток.

– Только русские умеют делать настоящий шоколад, как положено. Не горький, не сладкий, не кислый, не молочный, а настоящий шоколадный.

Я в теме не разбирался и равнодушно пожал плечами, вызвав очередную улыбку сеньоры.

– Ничего, привыкнешь. Жалованья королевского телохранителя, если, конечно, ты им станешь, хватает, чтобы баловать себя подобными вещами.

– А у меня есть шансы? – в лоб спросил я.

Теперь пожала плечами сеньора.

– Это будет зависеть только от тебя.

– А то, что я рассказал вам? Ну...

– Про девушку? Что все из-за девушки? – Она засмеялась. – Я же говорю, ничего страшного. Вполне нормально совершать безумства ради женщины. Это заложено в мужской психологии. Если бы ты только знал, сколько поистине великих и гениальных деяний совершено ради женщин! – Она мечтательно вздохнула, видимо вспоминая что-то свое. – От древности до современности. Очень много! И что значит твоё решение по сравнению, например, с решениями Цезаря, Марка Антония или Наполеона?

Я покачал головой:

– Не думал об этом.

– Главное не то, почему ты пришел, а как будешь служить в дальнейшем, что ты за человек. Не стану скрывать, у нас тяжело. ОЧЕНЬ тяжело. И тебе поблажек не будет. Но дело в том, что корпус – школа жизни, а у любого человека в любой школе жизни меняется система ценностей. Что ты знаешь о школах жизни?

Я недоуменно покачал головой. Не слышал о таком понятии.

– Их всего три: школа, армия и тюрьма. Под школой подразумеваются учебные заведения вообще. Остальные расшифровывать, надеюсь, не стоит?

Я кивнул.

– Корпус, как армия или военное училище, можно назвать одним словом – армия. Это испытание личности, проверка на прочность, умение ладить с людьми, принимать сложные решения. И как в любой школе жизни, человек в первую очередь учится. Мы не армия, у нас есть специфика, и это накладывает свой отпечаток, но жить по-старому ты в любом случае не сможешь.

Я поежился:

– Я знал об этом, сеньора, когда шел сюда. В сущности, и пришел-то ради того, чтобы изменить свою жизнь, постичь нечто новое.

– Ну, вот и великолепно! – Она улыбнулась. – Тем более у нас здесь столько девушек, что ты забудешь свою в первый же день. Руку на отсечение даю!

Сказано это было с легкостью и улыбкой, но мне вдруг стало не по себе. В этих словах гораздо больше истины, чем мне хотелось бы.

– Только об одном прошу, даже не прошу, требую, никаких разборок между ними за мальчика, то есть за тебя, здесь. Поставь себя так, чтобы ваши отношения не мешали службе, разбирайтесь за пределами этого здания. Наказывать буду строго и сразу всех, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Все понятно?

Я кивнул и вновь поежился. Глаза у сеньоры, когда она говорила, блеснули холодной сталью, и я понял, что это чистая правда. В смысле, разбираться не будет, накажет. Причем крайне жестко. А насчет девчонок и разборок – нормальный здоровый прагматизм, просчитать который у меня банально не хватает жизненного опыта.

– Но это если меня примут, – на всякий случай уточнил я.

– Разумеется! – кивнула она.

Чай был допит, чашки отставлены в сторону. Вычислительный аппарат в голове осоловел от приблизительного подсчета того, сколько могло стоять съеденное, не считая варенья. Варенье тоже из настоящих фруктов, свежих, не мороженных, которые нужно сначала доставить на планету, а уж потом варить (кстати, очень вкусное, просто божественное варенье)!

– Итак, ты рассказал о себе, о мотивах, начнем собеседование? – Сеньора расслабленно развалилась в кресле. – Что ты знаешь о корпусе?

Я коротко перечислил все, услышанное от Хуана Карлоса, а также из других источников, то есть по слухам. Сеньора слушала молча, изредка кивала.

– И что лесбиянки мы все, значит, тоже?

– Вы спросили – я ответил, – глубокомысленно изрек я.

– Хорошо, продолжай.

– Да это вроде бы все. – Я пожал плечами.

– И что скажешь?

Я задумался.

– Скажу, что вы распускаете вокруг себя слишком много пикантных слухов, чтобы пресса не акцентировала внимание на ваших реальных делах. Готов поспорить, иногда вы подстраиваете некие «просчеты», «ошибки», чтобы еще больше или запугать окружающих, или, наоборот, предстать в образе неких... Как бы лучше выразиться...

– Поняла, – кивнула сеньора. – Да, ты прав, мы сами сеем легенды вокруг себя. А ты хочешь знать правду о корпусе? Настоящую? Истинное положение дел внутри?

Я показно усмехнулся.

– Если это собеседование, вы просто обязаны рассказать мне об этом. Если не все, то многое.

Она опешила от такого умозаключения.

– Ты наглый парнишка! Но в логике тебе не откажешь. И все же вернусь к вопросу, *хочешь ли ты знать все?*

– А если вдруг не возьмете, можно грохнуть меня за углом, как слишком сведущего? – Я вновь демонстративно усмехнулся.

– Отчего же? Если ты идиот, начнешь трепаться направо и налево, тебя грохнут. Но ты же не идиот?

«То есть, Хуанито, как минимум этот вывод о тебе уже сделали. Поздравляю, дружище!»

«Было бы с чем!»

Я задумался. А впрочем, чего тут думать? Я для чего сюда шел? Вот и вперед!

– Да, хочу! – бодро ответил я, сложил руки перед грудью и вальяжно откинулся назад. – Я хочу стать королевским телохранителем и знать все о месте возможной будущей службы.

Сеньора Тьерри рассмеялась, я ее вновь позабавил.

– Хорошо, слушай. Итак, ты знаешь, в основе методики нашей подготовки лежит работа с женщинами. Мы набираем девочек и готовим из них первоклассных бойцов. Как думаешь, почему именно девочек?

Я пожал плечами и ответил словами Хуана Карлоса:

– Их дрессировать легче. Покладистее они. Мальчики больше брыкаются, умирать за кого-то просто так не хотят.

– Ничего подобного. – Она отрицательно покачала головой. – Думал ли ты когда-нибудь, почему все узкие специалисты в профессиях – мужчины? Я имею в виду специалистов высокого уровня: повара, профессора, ученые, врачи? Даже политики! Везде одни мужчины, хотя у нас на планете такое равноправие полов, что даже дурам *femenino* не к чему придраться! Возможности одинаковы, но мужчин там все равно больше, как ни крути.

Я покачал головой:

– Я не думал об этом, сеньора. Но... Есть такая популярная версия – мужчины умнее.

Она рассмеялась:

– Эти тесты начали проводить лет четыреста назад и проводят до сих пор. На предмет того, кто умнее. И всякий раз результаты, под тем или иным предлогом, пытаются поставить под сомнение.

Женщины не глупее мужчин, Хуан. У них более активны иные области мозга, но в целом наш уровень одинаков, это факт. Второй пример: почему в общей и младшей школе, дошкольных заведениях, среди медсестер, продавцов розничной торговли преобладают женщины?

Я вновь покачал головой.

– Внимание, все упирается в такое простое понятие, Хуан Шимановский, как внимание!

Она помолчала.

– Мужчины не умнее, просто у них всего один канал внимания. Случается и два, и больше, но это уникамы, исключения из правил. Обычные мужчины могут сконцентрироваться лишь на одной позиции, при этом достичь в ее выполнении больших успехов. Гораздо больших, чем женщины! Но заставь их одновременно следить за детьми, жарить яичницу, и не дайте Древние, в этот момент начнутся новости футбола! – Она усмехнулась, и я понял, что она проверяла сей факт на собственном опыте. – Они могут управлять боевым эсминцем, взламывать и крушить оборону врага, работать там, где нужна предельная концентрация и умение быстро принимать сложные решения. Однако яичница у них сгорит, дети залезут куда не следует и съедят то, что нельзя, а фамилия нападающего, забившего итоговый мяч на сто третьей минуте, пролетит мимо, потому что вспомнятся дети и яичница.

– Но... – Я понял вдруг, мне нечего возразить.

Сеньора же продолжала:

– Женщина же влежку пожарит яичницу, заберет у ребенка опасный предмет изо рта и при этом будет точно знать, от кого ребенок у Марии: от дона Хосе или сеньора Мануэля. Зато на палубе эсминца она в самый неподходящий момент вдруг вспомнит, что забыла положить в косметичку «вон ту лимонно-бордовую помаду». Понимаешь меня?

Я кивнул.

– Наша работа – это работа для женщины, ты не представляешь, сколько необходимо иметь каналов внимания, чтобы держать под контролем сектор обзора, в котором находятся десятки, а иногда и сотни людей. Держать, а если появляется угроза, быстро принять реше-

ние, что с ней делать, не упуская из виду остальные части сектора, где также могут находиться потенциальные убийцы охраняемого объекта.

– Но мужчины отчего-то прекрасно справляются с этой задачей! – не мог не заметить я. – Охраняют, держат сектора, принимают решения! Большинство телохранителей – именно мужчины!

– Да. – Она согласилась. – Но мы – лучшие. Тебе скажет об этом кто угодно, любой специалист. Мы слабее мужчин, но мы лучшие, потому что женщины.

Саму идею корпуса, как ни странно, придумал мужчина. Император Антонио Второй. Он долго занимался такими проблемами, как разница между мужскими и женскими способностями, финансировал исследования. Он не был любителем, разбирался в проблеме досконально и под конец своего правления решился, назвав детище «Императорский корпус телохранителей».

Сеньора вздохнула.

– Это его идея – набирать девочек из имперских приютов. Тех, кому ничего не светит в жизни, для кого стать телохранителем его величества, находиться под постоянным прицелом с возможностью умереть в любой момент – подарок небес. Император давал девочкам шанс возвыситься, в какой-то мере войти в элиту, стать почти вровень с аристократией, и за это требовал немного – безоговорочное подчинение и готовность умереть. И они были готовы умереть за своего повелителя! – Она повысила голос. – И те, кого набираем мы сейчас, ничем не отличаются от прежних девчонок. Они так же готовы умереть по первому слову, с удовольствием идут сюда, чуть ли не бросаясь в ноги вербовщикам. У нас конкурс шестьдесят-восемьдесят человек на место, при всей нашей дурной славе и репутации, и это не предел! А знаешь, почему?

Я отрицательно покачал головой.

– Потому, что помойка жизни – она в любые времена помойка. И иногда жизнь не такая великая цена за то, чтобы ее избежать.

Сеньора Тьерри сделала паузу, предоставляя мне «догнать» эту мысль. Ведь в какой-то мере я сюда пришел за тем же самым – не очутиться на оной помойке. Да, у меня есть выбор, моя ситуация не настолько аховая.

Но цель та же.

– Обучали их специально отобранные и прошедшие тренировки по составленным императором и его специалистами методикам инструкторы, женщины-спецназовцы из армии, – продолжила она после паузы. – Тогда и речи не шло об уровне, подобном нашему, все только начиналось, и, к сожалению для Империи, все закончилось. Ты помнишь историю?

Я пожал плечами:

– После его смерти разразилась большая гражданская война за трон. Корпус потерялся в ней? Я слышал, его гораздо позже возродила аж королева Аделлина.

Сеньора кивнула:

– Почти, но не совсем так. Император чувствовал, что умирает. У него оставалось четверо сыновей от первой жены, каждый из которых ненавидел братьев до глубины души и мечтал сам возглавить страну после отца, и младшенькая, любимица, от второго брака. Ее звали?

– Алисия Мануэла. Алисия Первая, – ответил я, глядя, как выжидательно сощурились глаза сеньоры.

– Правильно. Первая некоронованная королева Венеры. За каждым из ее братьев стояла немалая сила, каждого поддерживали определенные круги общества, обладавшие властью и деньгами. Та война стала именно гражданской, поскольку в бою столкнулись не столько братья, сколько социальные слои государства.

Сыновья не любили императора, так уж получилось, и единственной его отдушиной на закате жизни стала дочь. Его отрада. Но, понимая, что после его смерти начнется бардак, в котором она станет первой жертвой, он попытался защитить ее и назначил пожизненным генерал-губернатором всех венерианских колоний. И протолкнул это решение через парламент, хотя ей только-только исполнилось семнадцать. Он думал, что хоть так сумеет уберечь ее от гнева братьев.

– Но ведь он спас ее!

Я знал эту историю на уровне общего курса. По-видимому, сеньоре полковнику известны некие романтические подробности.

– Она осталась жива и дала начало нашей династии.

Моя собеседница скептически усмехнулась:

– Но при этом до конца жизни так и не ступила на землю родины. На Землю вообще. Притом, что тогда колонии были не тем же самым, что сейчас, всего лишь промышленные районы вокруг космодромов, с минимумом удобств и почти полным отсутствием нормальной инфраструктуры.

Я задумался, вспоминая, каковой могла быть планета почти полтора века назад. М-да, действительно, жестоко. Однако все лучше смерти.

– Братья не тронули ее не потому, что не хотели, просто находились дела поважнее, а противники поопаснее, чем сестра на далекой планете. Та же сидела как мышка, занималась своей планетой, развивала ее, привлекала деньги и инвестиции, заманивала рабочих и переселенцев. Кстати, она первая поняла, что на проституции можно очень хорошо заработать, и более того, положить заработанные деньги в собственный карман, минуя имперскую казну, то есть казну братьев, которые сменяли друг друга на престоле один за другим. Так что это ей мы обязаны потоком туристов со всей Земли, который кормит нас в любые, даже очень трудные годы.

Но я отвлеклась. В итоге все братья погибли, истребив друг друга. Трое из них успели посидеть на троне, а императором тем не менее стал ее кузен, Хуан Карлос Шестой, которому она прилюдно поклялась в верности, принеся присягу, после чего быстренько сбежала назад, в свою норку, не ввязываясь в придворные дрязги, пытаясь не навлечь на себя его гнев. И у нее получилось, тот поверил в ее лояльность!

– А корпус? – вернулся я к истоку беседы. – Когда и куда он исчез?

– Корпуса как такового еще не было, одно название. К моменту бегства Алисии Мануэлы выросло всего одно поколение бойцов – самые первые из сирот. Два десятка человек охраны, девочек, которым нет и двадцати, и несколько тренеров-инструкторов – вот и все, чем тогда располагали.

Император отправил корпус вместе с дочерью, охранять ее, но взошедший на престол старший брат потребовал вернуть всех назад. Донья Алисия согласилась, не могла не согласиться, не имела выбора, хотя и торговалась изрядно. При ней, как завещание, наследство от отца, остался один взвод, десять девчонок; второй же отправился в метрополию, охранять нового императора. Вместе с инструкторами, кадетами и вспомогательным персоналом.

Затем произошло покушение, ты должен был слышать про эту историю. Императора убили. «Хранители», как и положено, приняли удар на себя первые. Работа у нас такая! – Сеньора Тьерри вздохнула. – Но это не спасло императора, он скончался от ран.

Две наши девчонки в результате теракта погибли, трое оказались в госпитале, их затем списали, но если бы не они, вместе с императором погибло бы очень много народа.

Эту историю я помнил. Покушение организовали, как ни странно, не братья, а религиозные фанатики. И с присущим им фанатизмом хотели отправить в высшие миры вместе с главой государства и всех его приближенных.

– Новый император, второй брат, посчитал, что ему ни к чему «какие-то девки», и расформировал корпус телохранителей как таковой.

– Испугался?

– Да. «Хранители» проявили себя с лучшей стороны, сработали грамотно, а то, что нулевой объект погиб, – не их вина. Иногда и мы бессильны. Он испугался корпуса, понял, что тот не игрушка, за ним сила, которая симпатизирует не ему, а его сестре.

– Понятно! – Я про себя усмехнулся. – Тогда как донья Алисия забрала его на Венеру? Сеньора покачала головой:

– Она не могла этого сделать. Решение императора – закон, а нарушение его в тех условиях было чревато. Но инструкторы, кто смог и захотел, самостоятельно добрались до Венеры, и она не имела морального права выгнать их, даже под угрозой расправы. Ее спасло лишь то, что у нового императора оказалось слишком много дел на Земле, и организацию из полутора десятков бойцов, да еще девчонок, он не воспринял достаточно грозной силой.

Алисия тоже не шла на обострение. Она не скрывала этих людей, не создавала тайных структур, орденов, заговоров, секретных баз и лагерей для тренировок. Наоборот, всячески держала «хранителей» на виду, демонстрируя, что ничем, кроме ее охраны, они не занимаются, а тренеров и инструкторов пыталась легализовать на законных основаниях под контролем имперских силовых служб, используя все возможные для этого приемы и уловки.

На тот момент, подчеркну, корпуса уже не существовало, оставленный возле принцессы взвод не имел никакого статуса, как и команда инструкторов. Пользуясь этим, она зарегистрировала новую организацию, Венерианскую школу телохранителей, как самую обычную профильную частную школу. Целый ряд инспекций, посланных братом, разобрал школу по кирпичикам, но придраться было не к чему. Это спасло будущий корпус, позволило выжить, затаиться, причем вполне легально.

Я снова усмехнулся. Нет, все-таки Венера – странная планета. Необычная. Еще не став государством, правящие ею «венерианские стервы» уже одерживали победы над врагами-мужчинами. И все потомки доньи Алисии, наши королевы, унаследовали это качество – побеждать без войн. В этом сила Веласкесов.

– Первоначально существовало два отделения, для девочек и общее. Девочек брали мало, охраняли они лишь принцессу, а затем ее дочерей. Общее же готовило самых обычных телохранителей, с обычными инструкторами, по обычным программам. Так до самого восстания.

После провозглашения донной Аделлиной, ее дочерью, независимости школу перестроили в корпус, да еще и королевских телохранителей, общее же отделение в нем закрывалось. У нас появилась собственная династия, больше не было нужды прятаться и маскироваться. Но на тот момент основополагающие традиции уже были заложены школой, все, что имеем сейчас, – результат ее выживания и становления. Разница лишь в том, что их было не более трех десятков, нас же – более трех сотен.

Как видишь, своим рождением мы обязаны мужчине, и то, что он вложил в нас, позволило пережить многие беды и неприятности, остаться на плаву, не сгинуть в веках. Какие есть вопросы?

Я задумался. Вводная часть окончена, настало время собеседования. Вопросы, конечно, возникли, и немало.

– Правда ли, что гибнет до половины воспитанниц, если не больше?

Сеньора усмехнулась и покачала головой:

– Утка. Гибнут, бывает. Но в основном по неосторожности, тупости или из излишнего бахвальства. Проще говоря, гибнут дуры, которых психологическая служба не смогла отсеять. Им, в общем, среди нас не место.

Мы стараемся как можно больше отсеять сразу, в несколько этапов, – как бы извиняюсь, сказала она. – Девяносто процентов, возможно, больше. Но некоторые психологически непригодные таки проскакивают, идеальных методик не существует. Зато те, кто остается, – с нами до конца, одни из нас, а мы не разбрасываемся бойцами!

– А Полигон? – возразил я.

– О, Полигон! – Сеньора подняла глаза к небу. – Полигон – это испытание на прочность! Проверка твоих возможностей после учебы! Одним фактом своего существования он объясняет тем, кто относится к дисциплинам без должного уважения, – от того, что они сейчас усвоят, будет зависеть, сдохнут они или же будут жить дальше.

Там гибнут, но это оправданные потери, заложенные изначально в саму идею корпуса. Прошедшие его девочки учатся еще два года, при этом уже знают, что их ждет, как и к чему готовиться, на что обращать особое внимание. Ты можешь филонить в школе или универе, но здесь лень и невнимательность сродни самоубийству. Это главная идея Полигона, и от нее корпус никогда не откажется, несмотря на потери.

– Понятно, но зачем тогда утка о том, что до половины воспитанниц гибнет еще до Полигона? Какой в ней смысл?

Сеньора подалась вперед.

– Чтобы те, кто идет к нам из приютов, собирается сдавать тесты и мечтает стать «хранителем», все эти девочки знали – они могут умереть!

Пауза.

– Это важно, Хуан Шимановский, знать, что смерть рядом, – усмехнулась она мне в лицо, и глаза ее сверкнули. – Далеко не все выдерживают это осознание. Ради тех, кто не выдержит, выбрасывается эта утка и поддерживается из года в год. Чтобы выявить их на ранней стадии, пока можно просто взять и отправить назад в приют. Им не место среди нас! Ты готов умереть? В любой момент, прямо сейчас?

Я опустил глаза в столешницу. К такому повороту и вопросу готов не был.

– Не торопись отвечать, мальчик, подумай. Я не тороплю. Это важный, САМЫЙ важный вопрос, от которого зависит, возьмем ли мы тебя. В армии, в бою, у тебя есть шанс спастись. Уйти с линии огня, отступить, пригнуться. Там ты споришь с судьбой, и даже в безнадёжной ситуации есть вероятность, что выживешь. У нас не так. Ты видишь перед собой дуло вражеской винтовки, но не можешь отклониться от выстрела. Сзади человек, которого ты ПОКЛЯЛСЯ защищать, ПОКЛЯЛСЯ умереть вместо него, и теперь ОБЯЗАН сделать это!

Посиди, подумай, Хуан. И не смей врать, ни себе, ни тем более мне, я распознаю ложь. Сможешь ли ты умереть, зная, что есть возможность спастись? Сможешь ли не уйти в сторону?

Да, у нас неприкосновенность, сумасшедшие льготы и личная вассальная клятва. И получаем мы поболее высокооплачиваемых менеджеров и специалистов.

НО ВСЕ ЭТО НЕ ДАЕТСЯ ПРОСТО ТАК, Хуан. Всему своя цена.

Я сидел, думал. Сеньора не торопила, занимаясь своими делами, словно забыв о моем существовании. Она задала самый главный в моей жизни вопрос. И я не могу лгать даже самому себе, но совсем не потому, что она это поймет.

В этот момент все школьные разборки померкли, ушли на второй план. Кампос? Кто такой Кампос? Бандюк с замашками интеллигента! Отброс общества! Сейчас речь о куда более важном, чем он. Даже о более важном, чем девочка Бэль и отношения с ней.

Меня возьмут, я почувствовал это по настроению сень оры. Она определенно хочет этого. Но подойду ли я им?

Я закрыл глаза и увидел перед собой ее величество. Она смотрела на меня с нежностью, почти материнской заботой, ведя пальцем по фиолетовой отметине на лице.

– Все в порядке?

Мой вялый ответ. И новое:

– Сильно достают?

Да, достают, и сильно. Но какое дело до этого вам, ваше высокое величество? Где вы, а где мы!

– Держись, скоро легче станет. Обещаю! – и добрая обнадеживающая улыбка.

Она сдержит слово, я знаю. Ее ставленница, министр образования, будет лютовать, что-то обязательно сотворит в ближайшем будущем. Судя по глазам – обязательно сотворит. Чистка в ДБ уже началась, сети гудят об этом не умолкая, прижучили уже многих высокопоставленных отморожков. И даже Кампосов к ногтю прижали. Срок пусть и условный, но это на всю жизнь, и плевать на так называемое «всесилие папочки».

Она сделает. Она может. Просто она одна в огромном мире. А что может одна уставшая женщина в стомиллионной стране, огромной космической Империи, пусть даже и королева?

– Я готов, – услышал я свой голос. – Готов умереть за ее величество. Не уйду с линии огня.

Сеньора Тьерри с видимым облегчением вздохнула:

– Ну, вот и славненько!

– Кстати, не думай, что времена изменились и с ними изменилась... Ну, скажем так, смертность в нашей работе. Ничего подобного! За последние десять лет погибло более шестидесяти человек. Шесть человек в год – это мало?

Я задумчиво покачал головой:

– Наверное, нет. Но это ведь средняя цифра?

– Однако получается немало, правда? И это только боевые потери!

– А есть и не боевые? – уцепился я.

Она нехотя вздохнула и сдула со лба выбившийся локон.

– Разумеется. Тебе, наверное, известно, что у нас строжайшая дисциплина?

Я кивнул.

– Настолько, что в некоторых тюрьмах порядка легче. Кстати, тебя это тоже касается, никаких поблажек и скидок, несмотря на пол, возраст и, в отличие от наших малолеток, жизненный багаж. Будешь наравне со всеми, бесправным кадетом, не могущим вякнуть свое мнение. Так что подумай лишний раз, оно тебе нужно?

Я подумал. Быть взрослым дядей наравне с двенадцатилетними девчушками, иметь равные с ними права и выполнять те же приказы, отдаваемые тем же презрительным тоном? Презрительным, а как иначе! Это своего рода армия, хотя и особое подразделение, а сержанты везде одинаковы, во всем мире.

«Да, пацан, попал ты!» – тут же вякнул внутренний голос.

«Но ведь знал, на что шел, когда шел?» – осадил его я.

«Естественно!» – нехотя признался тот.

Я кивнул:

– Я отдаю себе в этом отчет, сеньора. Но ведь я не мелюзга, и моя подготовка не затянется.

– Это почему же? – Глаза выдавали, что она старается не рассмеяться.

– У меня уже есть база. Пусть не такая, как у ваших полноправных бойцов, но думаю, мне будет легче даваться то, на чем застрянут малолетки. Мне кажется, мое обучение займет максимум два года, тогда как они потратят пять. Я не прав?

Сеньора полковник вздохнула, достала из ящика новую сигарету, прикурила и выпустила струйку дыма.

– Проблема в том, что ты при всем своем багаже никогда не догонишь их. Если бы мы взяли тебя лет в тринадцать...

– Но вы бы не взяли меня лет в тринадцать! – наехал вдруг я, невесть откуда обретя силы. – Вы уже брали мальчиков лет в тринадцать, и у вас ничего не получилось! А у меня мало того что сформировано мировоззрение, меня не надо воспитывать, и самый тяжелый период – половое созревание – позади, так я еще и сам пришел! Погибну – и на вашей совести не останется груза, знал же, куда шел? Не так, сеньора?

Она вымученно улыбнулась:

– Да, ты умнее, чем кажешься.

– Это хорошо или плохо? – усмехнулся я.

Она сделала очередную затяжку.

– Скорее хорошо. Ты сам все понимаешь, и тебе не надо объяснять очевидное.

Сеньора размышляла, искоса бросая на меня непонятные взгляды. Наконец, решилась:

– Да, мы брали мальчиков. Точнее, не мы, наши предшественники, более двадцати лет назад. Но методики корпуса, как я сказала, не рассчитаны на мужскую психологию, их разрабатывали специально для девочек, и в итоге получились звереныши-убийцы шестнадцати лет от роду, для которых нет ничего невозможного и которых почти невозможно контролировать.

Новая затяжка.

– Их уничтожили, если ты хочешь спросить об этом, а ты хочешь. Утилизировали. Как брак, продукт неудачного эксперимента. Потом долго анализировали, сделали выводы, где допустили ошибки, но мальчишек этим не вернешь. Взять новую партию после такого провала никто не решился.

– Почему?

– А ты бы взял на свою совесть подобный груз: утилизацию двух десятков пацанят только за то, что у тебя что-то не получилось, ты что-то не рассчитал? Хватит смелости нажать на курок, Хуан Шимановский?

Я застыл с хрипом в горле. Нет, не хватит.

– С тех пор мы разработали множество методик, но цена их проверки слишком высока, за все эти годы так и не появилось человека, готового испытать их. – Она грустно усмехнулась. – Поэтому, не обижайся, ты для нас – находка. Подопытный кролик для апробирования методик.

Я красноречиво хмыкнул. М-да, такое – и в лицо!

Но, с другой стороны, информирован, значит, вооружен, а итоговое решение она оставляет за мной. «Не хочешь – уходи, никто не держит», – говорили ее глаза, и это мне нравилось.

– Большая часть проблем, с которыми тогда столкнулись, в твоём варианте решена – ты сформировавшийся человек с устоявшимся мировоззрением. Оно у тебя еще поменяется, но база есть, а это главное. Что же касается физических данных... Не обижайся, но, сколько бы ты ни тренировался, настоящих «хранителей» ты не догонишь. Период формирования подросткового мировоззрения ты благополучно миновал, а это золотое для организма время. Хоть упали на тренажерном комплексе, хоть каждый день падай – оно упущено.

Она вдруг смерила меня веселым взглядом, гася окурки в драконовой пепельнице.

– Видишь, я, как работодатель, честна! Делай выводы!

– Я сделал. Но пока они в пользу вашего заведения.

Сеньора рассмеялась.

– Это не важно, – продолжил я. – Вы будете использовать меня не как телохранителя, а как полевого агента. Человека, находящегося в толпе для подстраховки. Никто же не знает, что вы берете мальчиков? И я стану козырем в случае чего.

– На оперативную работу набиваешься? – Сеньора отсмеялась и сосредоточилась. – Ты прав. Отчасти. Использовать тебя в первом кольце... Глупо с твоей подготовкой, даже

будущей. Но ты не учел, у нас всего несколько звеньев имеют право находиться в первом кольце, остальные до конца контракта так и ходят рядом. Так что, дорогой ты мой Хуанито, будешь делать все, что тебе скажут! Без поблажек и исключений!

«Это что, антикампания такая, чтобы расхотелось идти к ним? Типа, напугаю мальчика, он развернется и уйдет? Топорная какая-то кампания!»

Я никак не отреагировал на ее слова и сидел дальше с напряженным выражением лица.

– Хорошо, я все поняла, – вдруг потянула она, раскачиваясь в кресле. – Ты согласен умереть за ее величество и членов ее семьи, я знаю твои мотивы, ты юноша горячий и целеустремленный, ты нам подходишь. Осталось последнее, убеди меня в том, что я должна тебя взять. Приведи железный аргумент, почему я смогу тебе доверять в будущем. Мы не играем в игрушки, ты это понял, а доверие в команде – главный секрет успеха. Так объясни, почему мы можем тебе доверять и почему ты не предашь корпус?

Хороший вопросик! Я задумался. Ну что тут скажешь? Это очередной тест, и от моего ответа вновь зависит многое. Стандартные аргументы, типа «я люблю ее величество, потому что люблю ее величество, ибо патриот» не пройдут.

Сеньора смеялась. Не открыто, глазами. У нее вообще удивительные глаза: несмотря на внешне каменное лицо, по ним можно прочесть все, что угодно. Она может передавать ими информации больше, чем обычным вербальным способом. И умело этим пользуется.

Теперь этот вопрос. Ключевое слово «убеди».

У меня не находилось аргументов, я не знал, о чем говорить, не знал, что она ожидает услышать. Это было похоже на экзамен в театральное – проверка таланта импровизировать. Значит, я должен импровизировать, и не важно, что скажу, важно как, чтобы она поверила. Я умею это делать. Вопрос в том, на какой теме тренироваться.

Я тяжело вздохнул.

– Не знаю, сеньора, почему вы сможете мне верить в будущем. У меня нет ответа. Возможно, вы, наоборот, поймете, что доверять мне нельзя и вышвырните, или даже утилизируете. Но я знаю, для чего пришел сюда.

Нет, не для того, чтобы научиться драться, я умею драться очень даже неплохо для обычного человека. Не для того, чтобы что-то кардинально изменить в этой жизни, в этом нет такой острой необходимости. Да, мы живем небогато, но никогда не голодали. К тому же у меня грант, и я намерен закрыть его, затем отучиться в престижном университете, вернуть вложенное Короне и работать хорошим специалистом, не важно в какой области. Мне не нужна ваша служба так, как вашим девочкам, и готовность умереть – это именно любовь к королеве, та самая верноподданническая, о которой не принято говорить. Можете не верить, но это так.

А пришел я сюда, потому что рано или поздно отучусь, отработаю грант и останусь один на один с жизнью. А жизнь жестока, сеньора Тьерри. Вы знаете это лучше меня и понимаете, что я – никто даже с дипломом крутого университета. Мне придется работать «на дядю», лизать задницы разным подонкам на должностях выше моей, лстить и пресмыкаться, если хочу карьерного роста. А я хочу получить карьерный рост, иначе бы не пошел сдавать на грант...

Я сбился, набрал в рот воздуха и вхолостую выдохнул. Сеньора внимательно рассматривала меня сквозь прищуренные веки оценивающим взглядом, тем самым, каким смотрела, когда я только вошел. И не перебивала.

– Я хочу работать, быть нужным стране и людям. У меня есть способности, пусть и не блестящие. Но я не хочу пресмыкаться перед негодяями! Служить стране и работать на «дядей» с большими деньгами... Разные вещи!

Я снова набрал в рот воздуха, но теперь выпалил, подведя итог:

– Я хочу служить своей стране и королеве! Потому что считаю их достойными этого, и страну и королеву. Но не хочу работать на подонков, типа Бенито Кампоса. И можете расстрелять меня, если не верите моим словам!

Все, выдохся. Сеньора задумчиво покачала головой:

– Верю. На самом деле ты заблуждаешься, малыш. Ты так же бежишь от помойки, как и наши девочки. Просто под «помойкой» понимаешь нечто иное.

Я согласно кивнул:

– Может быть.

– Но почему я должна тебе доверять? – не унималась эта стерва с золотыми волосами и погонами.

Я демонстративно развел руками:

– Я не знаю. Честно. Наверное, потому, что я дурак, ведь только дурак в наши дни променяет хорошую работу в престижной фирме на службу, причем ТАКУЮ службу, с такими жесткими стартовыми условиями и неопределенностью даже в ближайшем будущем.

Да, я дурак, идиот. Больше мне сказать нечего.

Сеньора натужно прокашлялась и засмеялась:

– Ты принят.

* * *

Сеньора блефовала, отчаянно блефовала. Кидала понты, разводила меня на «слабо», и все с одной-единственной целью – я им нужен.

Точнее, им нужен «мальчик», пусть даже взрослый.

То, что обучаться буду наряду со всеми, – блеф, не для того берут. Скорее нагрузят по полной, через пот и кровь, но заставят окончить программу раньше. Насчет физической формы и «золотого» возраста, очевидно, правда, настоящих «хранителей» я не догоню, но меня берут не для того, чтобы сделать рядовым «хранителем».

Меня не убьют, разумеется. И подставлять, нагружая смертельно опасными трюками, тоже не станут. Напротив, будут беречь как зеницу ока, хоть мне будет казаться обратное. Потому что за двадцать с лишним лет никто так и не опробовал разработанных ими методик на крови.

Так что смело можно констатировать, мне ничто не угрожает. Я не превращусь в звереныша, как те мальчишки, меня не станут напрягать, так как я – единственный и, как бы сеньора ни заливала, гожусь только для оперативной работы. В этом ключе меня и будут обучать. Словом, не все так плохо, и можно смотреть сквозь пальцы на некоторые ее «заведения». Единственная сложность, ожидающая меня, – учебка, тут согласен с сеньорой на двести, даже триста процентов – будет тяжело.

Без учебки ни один новобранец не станет солдатом, о каком бы подразделении или армии ни шла речь. Следовательно, меня ждет тупизм, доведенный до абсолюта, возведенный в ранг незыблемого закона под названием «устав». Я действительно превращусь в бесправное быдло, мною будут командовать и помыкать, постоянно издеваться. В рамках устава, конечно, но в последнем, как правило, достаточно сюрпризов для новобранцев.

Но повторюсь, без учебки нельзя стать солдатом, а моя надолго не затянется. Стиснуть зубы, захлопнуть варежку – и вперед. Зато дальше начнется именно то, ради чего стоило сюда идти – присяга лично монарху и «ангельский» контракт, и их никакие опыты и эксперименты не в состоянии отменить.

Вот только надо ли это мне?

Кажется, я впервые за сегодня задался этим вопросом.

– Разумеется, мое согласие – всего лишь разрешение начать проверять тебя, тестировать. Только тесты могут сказать, подойдешь ты нам по своим физическим параметрам или нет. Параллельно мы начнем психологическую проверку – неадекватные психи нам не нужны.

Я кивнул.

– После того как тесты завершатся, совет офицеров примет решение по твоей персоне. Каково будет решение, я не знаю, и не стоит гадать. Мне это не подвластно. Ты же знаешь, что такое совет офицеров?

И, глядя на мое удивленное лицо, усмехнулась:

– Тогда вводная. О порядках.

Я подобрался.

– Корпус – демократическая структура, военная демократия. В отличие от ДБ, или ИГ, или иной силовой структуры, им никто не управляет. Мы не принадлежим государству, не являемся его частью, не подчиняемся законом, соответственно, над нами нет ни законов, ни начальника, назначаемого и подотчетного ее величеству, как главе государства. Главный орган корпуса – совет старших, совет офицеров, только его решения для нас закон.

Я про себя усмехнулся, нехило девочки устроились!

– Принцип прост, чем дольше ты служишь, чем больше у тебя опыта, чем выше звание, тем больше у тебя прав. Мелюзга бесправна, далее по нарастающей. Я всего лишь управляющая, моя кандидатура на эту должность по представлению королевы также подтверждается советом. Но я решаю текучку, а вопросы глобальной стратегии, вроде принятия первого в истории мальчика, не в моей компетенции.

– А королева?

– Королева, как сеньор, может многое. Но иногда и она бессильна против наших решений. Вассальная клятва обоюдна, не только мы защищаем ее, рискуя жизнью, но и она защищает нас, рискуя честью и репутацией. И если мы коллективно говорим «нет», она не может это игнорировать.

– Понятно, – кивнул я.

– Как один из офицеров, она имеет вес и голос в совете, у нее больше прав, чем было бы, будь она просто королевой. Но даже она не всесильна. Имей это в виду, Хуан Шимановский!

Я имел. Ничего себе демократия! Древние Афины отдыхают!

– Лея вернется через две недели, после чего мы соберем совет и решим твой вопрос. Конечно, если по результатам тестов выяснится, что ты нам подходишь. А вот тут многое в твоей власти. Проявишь рвение, усердие, мы сможем закрыть глаза даже на отсутствие некоторых важных способностей. Все понятно?

Я в очередной раз кивнул.

– Тогда пока все. Посиди немного, подумай.

Она откинулась на спинку кресла, щелчком пальцев завихрила перед лицом голографический козырек и надвинула его почти до подбородка, погружаясь в виртуал. Затем набрала несколько невидимых мне символов, коварно улыбнулась и приторным голосом запела:

– Мальчик, у тебя проблемы?

Пауза, ответа я не слышал, обратная связь шла непосредственно в ее беруши.

– Мне все равно, мальчик! Ты знаешь, кто я? Да, корпуса телохранителей. – И с назидательной иронией: – Мальчик, у меня высший уровень допуска! Мне плевать на личную визу ее высочества! Тебе объяснить, что значит высший уровень?

Молчание. Сеньора долго слушала ответ кого-то невидимого мне, находящегося между потолком и задней стеной.

– Юноша, если я требую дело Шимановского, я должна получить дело Шимановского, и без разговоров!

И получить по первому требованию, а не сейчас, спустя два часа!

Пауза.

– Хорошо, соединишь с ее высочеством. – Удивленно. – Как вне зоны? Ты уверен? – Задумалась. – Хорошо.

Сеньора нажала виртуальную кнопку отбоя и тут же набрала другую команду.

– Сообщение. Гриф «Молния». Абонент «Лиса». Текст: «Алиса, срочно перезвони». Подпись «Красавица».

И вновь команда, и новый монолог:

– Ну что, вы раскодировали? – Пауза. – Уверены? Точно, наш? – Вновь долгая пауза. – Нет, все в порядке. Обычная проверка.

Она медленно деактивировала козырек и зыркнула... Именно зыркнула таким взглядом, что...

...Мне захотелось провалиться сквозь землю.

– А теперь, Хуан Шимановский, поговорим серьезно.

Я напрягся.

– Первый вопрос: почему твое дело в личном архиве ее высочества? Второй: откуда у тебя этот прибор? – Кивок на навигатор. – И третий: как связаны эти два события? И еще учти, я не в состоянии принять тебя в корпус, но в моей власти сделать так, чтобы ты не вышел из этого здания. Одно неверное слово...

Многозначительная пауза.

У меня по спине пробежал холодок. Не холодок даже, мороз. Я вдруг отчетливо понял, что этот вопрос сеньора приберегла на закуску специально, а все, что было до...

То, что было до, – тоже серьезно. Но и то, что она спрашивает сейчас, неспроста. Интересно, почему именно сейчас?

Я прокашлялся.

– По поводу первого я не уверен, сеньора, мне кажется, здесь замешано «школьное дело». Меня слишком легко отпустили. Пусть имя скрыли, но я на виду. Возможно, ее высочество бережет меня для какого-то политического хода. Я слишком легко отделался, а так не бывает. Мало ли, для удара по кому-то, не исключено, по тем же Кампосам! Я не силен в интригах и политике.

Сеньора согласно кивнула:

– Ладно, убедил. Второй вопрос.

Я замялся. Все же придется говорить о Бэль.

– Мне его подарили, честное слово. Но подарившая его девушка... Аристократка. Не из простой семьи. А для аристократии получить в собственную службу безопасности подобный прибор – не проблема. Больше ничего не знаю, правда.

– Почему ты думаешь, что она аристократка? – усмехнулась моя собеседница, и я понял, она прекрасно осведомлена, кто эта девушка. Скорее всего, вычислила по прибору, пока я сидел в «допросной». Здесь не ДБ, а корпус телохранителей королевы, дворец. Наверняка оснащен лучшим оборудованием планеты, и работают тут лучшие специалисты.

С сердца свалился огромный камень. Значит, и это не так страшно – очередная проверка.

– Поведение, манера говорить, осанка. Вещи, о которых она рассуждала между прочим. Совокупность всего, не могу объяснить. Но она не из бедных слоев. И не из среднего класса, средний класс учится в моей школе, я знаю, как они говорят и о чем думают.

– И о каких же вещах она «между прочим» рассуждала? – прищурилась сеньора.

Тут я окончательно успокоился.

– Например, пластиковый музыкальный диск, стоимостью двенадцать тысяч империе-алов для нее не роскошь, а то, что можно послушать на досуге. Я даже представить себе

такие деньги не могу, за какую-то безделушку! А сам диск... Для меня это антиквариат, а не музыкальный носитель, уж точно.

– Как ее зовут? – впечатал меня в кресло следующий вопрос. Видимо, предыдущий удовлетворил.

Я легкомысленно пожал плечами:

– У нас игра: я не знаю ее имени, она моего. Я не знаю, сеньора.

Я посмотрел честными-пречестными глазами. Действительно, в отличие от русского языка, в испанском под словом «имя» больше подразумевают фамилию, принадлежность к роду. А фамилии Бэль я не знал.

Сеньора осталась недовольна ответом, достала сигарету, прикурила, встала и принялась ходить взад и вперед по кабинету.

– Это плохая игра, Хуан Шимановский!

– Я знаю, сеньора. Но мы решили поиграть в нее. Так интереснее.

– И ты не знаешь, кто она такая?

Я отрицательно покачал головой.

– У нее белые волосы, не так ли?

Я кивнул.

– И в субботу вы были вместе в Королевской галерее.

Не вопрос – утверждение. Отпираться по меньшей мере глупо.

Сеньора полковник все расхаживала по кабинету, распространяя вокруг меня табачную вонь, о чем-то думала. Я сидел, отвернувшись в сторону, стараясь не закашляться и дышать через раз. Вытяжка включаться не спешила.

За первой сигаретой последовала вторая. Наконец, найдя сиденье, она присела напротив меня прямо на стол, опустив одну ногу в большом белом латном сапоге на стул.

– Какие у тебя планы на ее счет?

– Пока не знаю, сеньора. Я не смогу смотреть ей в глаза, во всяком случае, пока. Стыдно.

– Глупо стыдиться того, что не можешь одолеть десятерых. Даже я не одолею десятерых, никого не убив.

Мне понравилось «не убив». То есть, убив, она одолеет.

– Дело не в них, сеньора. А в том, что я не могу решить свои проблемы. Сегодня они встретили нас в городе, и случилось бы непоправимое, не будь ее охраны. А что будет завтра? Я не хочу навлекать на нее беду. А если я ей действительно нравлюсь, не желаю от нее зависеть, решать проблемы за ее счет.

– Думаешь, став королевским телохранителем, ты перестанешь от нее зависеть? Она аристократка, мальчик, а это навсегда!

Я усмехнулся:

– Корпус дает шанс, вы сами сказали. Я хочу его использовать.

Я получу уникальные знания и навыки, наверняка после контракта мне предложат неплохую должность. Я на льготных условиях окончу престижный университет, возможно экстерном. К тому же статус вассала ее величества...

Я покачал головой.

– На это уйдут годы, сеньора, но в итоге я буду ее защищать, а не ее охрана – меня.

Сеньора Тьерри надолго задумалась.

– А если она тебя разлюбит? Не дождется?

На что я весело парировал:

– Тогда ее место займет другая. Но на тех же условиях. Жизнь есть жизнь.

Глава 3

Право сильного

Сеньора долго молчала, очень долго, вначале вернувшись в кресло, выкурив там третью сигарету, затем вновь устроив круиз по кабинету. Дымила она, как паровоз на фестивале техников в Манаусе, мне чуть не поплохело. Спасло то, что вытяжки все же заработали.

Наконец, она остановилась напротив меня.

– Значит, так, слушай сюда.

Я напрягся.

– Эту штуку, – кивок на координатор боя, – я верну позже. Ты, – указательный палец уставился мне в грудь, – несешь ее домой, прячешь там и никому не показываешь. И никогда никому не говоришь, кто тебе ее дал. Понятно?

Я кивнул.

– Дело не в самом координаторе, у нас таких много, мы выдадим тебе еще лучше. Дело в человеке, который тебе его подарил. Ты никогда и никому не рассказываешь о вашей встрече, никому не сообщаем ее имя и как она вообще выглядит. Во всяком случае, до тех пор, пока я не разрешу. Вопросы?

– А зачем это все?

– Для твоей же безопасности. Поверь, мальчик, многие, узнав, что вы с ней встречались и ты ей понравился, захотят от тебя избавиться.

– Ее родители? – грустно усмехнулся я.

– К сожалению, нет. От ее родителей я смогла бы тебя защитить.

Вздых.

– Это политика, Хуанито, большая политика. И ты в ней никто. Потому делай, что тебе советуют знающие люди. Аристократия – это гадючник, а ты не готов пока к тому, чтобы в него влезать.

«Судя по подтексту, друг мой Хуанито, ключевое слово «пока». То есть, когда ты станешь «хранителем», будешь готов и к этому».

«Естественно, – ответил я себе. – Корпус – своеобразный военный орден, где все друг за друга. Причем эти «все» обладают неприкосновенностью и правом вендетты. Корпус станет надежным щитом, самым надежным в мире, от любых неприятностей и невзгод. В том числе от возможных преследований знати».

– Понял, сеньора, – кивнул я. – А вы скажете мне, кто она такая? Как ее имя?

Сеньора Тьерри скривилась, будто надкусила лимон, но от ответа ушла.

– Спроси у нее сам. Это ваша игра, я не вправе нарушать ее правила.

«Все ясно, наступаем на собственные грабли, samarado Шимановский, – усмехнулся я. – Так тебе и надо!»

Сеньора загасила бычок, что-то отключила на рабочем столе, надела китель и кивнула мне:

– Пошли.

Я поднялся, и мы куда-то побрели. Коридоры сменялись гермозатворами, шлюзами и очередными коридорами. Кажется, мы шли по переходу в соседнее здание, отдельно стоящий комплекс. Пару раз навстречу нам попадались молодые девчушки в белой форме, некоторые в доспехах. Все не старше меня, при виде нас вытягивались в струнку, отдавая сеньоре честь, провожая мою персону недоуменными взглядами.

Воспользовавшись вынужденной паузой, я решил прикинуть свое состояние, то, что произошло, и о чем говорила сеньора. Вырисовывалась не сильно оптимистичная картина.

«Итак, мой друг, что мы имеем? Добренькая тетя-полковник хочет взять тебя в свою контору для опытов. Печально, но только на первый взгляд. После опытов ты получишь вкусную шоколадку и станешь гораздо ближе к своей заветной мечте – служить не пресмыкающаяся. Если выживешь, конечно. Возможно, получишь трофей, о котором не смеешь мечтать, – девочку Бэль, юную аристократку и наследницу богатого рода. Ведь вассал королевы в принципе приравнен по статусу к аристократии, с этой стороны засады не будет – традиция есть традиция. Никаких помех даже для вашего брака быть не должно, не говоря об остальном.

Однако имеются и небольшие «узорчики». Оказывается, в мире знати не все гладко, и некоторые кланы, судя по всему, хотят видеть девочку Бэль в своем составе в качестве невестки. А может, просто мечтают насолить ее семье – наверняка есть и первые, и вторые. Потому многие из них, узнав о существовании Хуана Шимановского, с радостью сделают ему принудительное харакири.

Веселенькая перспективка? Угу! Это обязательно произойдет, если ты, малыш, начнешь светить подаренными тебе вещами. Планета круглая, да еще и маленькая. Как говорят русские: «шила в стоге сена не спрячешь»...

Хотя нет, не так. Впрочем, не важно, про шило тоже что-то есть. Главное смысл, а он понятен.

Сеньора же полковник намекает, что может тебя защитить. Не сразу, но это в силах корпуса. Мягкий такой намек, ненавязчивый. И самое прискорбное, маловероятно, что она блефует этим аргументом. Здесь скорее некая забота, нечто сродни материнскому инстинкту: «Я тебя предупредила, помогла, моя совесть чиста. Дальше думай сам».

И скажите на милость, как после подобных намеков безмятежно рассуждать, нужен ли мне корпус?»

Признаюсь честно, сегодня я сюда приехал случайно. Вследствие того что последние два дня был на нервах, этаким импульсивный порыв, присущий юношеству. Осознал я это, скучая в допросной. И теперь главный вопрос – стоит ли идти по случайно выбранному пути? Да, слова, сказанные мною в кабинете, звучат красиво, перспективы радужнее некуда – статус, присяга, контракт, должность, защита... Но сеньора правильно сказала, все имеет свою цену. А цена здесь одна – жизнь. Возможность умереть молодым, зеленым, ничего не успевшим юношей. Очень глупым юношей!

Как я понимаю, пока будет идти тестирование, вплоть до самого совета офицеров, за мной останется право выбора – идти к ним или вернуться на гражданку. Но приняв, корпус вряд ли отпустит. Я буду знать слишком много их секретов.

«Две недели, Шимановский!» – подвел итог мой бестелесный собеседник. – *У тебя всего две недели до прибытия ее величества, чтобы определиться, хочешь ли ты впрягаться во все это».*

Тем временем мы вышли в большое, просто огромное помещение, предназначение которого бросалось в глаза сразу. Тренировочный зал, большой и отлично оборудованный, заполненный матами, тренажерами, жуткого вида непонятными устройствами, дорожками с препятствиями. Здесь стоял звонкий гул с эхом, перемежающийся звуком ударов и падений, присущий любому спортивному залу. В нем тренировалось десятка полтора девчонок от двадцати до тридцати. Я говорю «девчонок», хотя некоторые из них гораздо старше меня, но уже вошло в привычку называть всех девчонками. Отныне, независимо от возраста, я буду называть их только так, даже если кому-то покажется это... неправильным.

Некоторые девчонки бегали по дорожкам, проложенным не только по земле, но и подвешенным на специальной арматуре, высоко над ней. Некоторые отрабатывали удары на грушах, иных более сложных приспособлениях, с дроидами и в спарринге. Почти в центре, чуть ближе к нам, располагалось главное круглое цветное татами, вокруг которого сидела группа

в составе пяти молодых особей шестнадцати лет, а шестая усиленно и безуспешно отбивалась от тетки с бесстрастным лицом, очевидно инструктора. Одеты все были в облегающее фигуру спортивное тренировочное трико неброского серого цвета, выглядевшее немного казенно, но эротично.

Впрочем, наслаждаться фигурами было некогда, мы быстро вышли на соседнее татами. Главный бой затих, внимание слабой половины человечества мгновенно переместилось на нас. Точнее, на меня. Я обернулся – движение по всему залу прекращалось, внимание сосредотачивалось на моей персоне. Некоторые девчонки улыбались, иные стояли с раскрытым ртом, но удивлялись решительно все. Видать, мальчишки здесь нечастые гости!

Эту мысль тут же озвучила сеньора полковник:

– Не обращай внимания, просто ты первый мальчик, попавший на территорию корпуса за много-много лет.

По знаку сеньоры одна из младших девчонок подбежала и приняла у нее китель.

– Перчатки.

Она и еще одна тут же принесли две пары перчаток. Таких я еще не видел – не столько перчатки, сколько... Даже сравнения не подберу! Ни кикбоксерские, ни, тем более, боксерские – ничего общего. Тонкие, открытые, в таких можно бить и ладонью, и ребром ладони, и... Да много чем! По-видимому, единственная их задача – не сильно травмировать противника, причем ключевое слово «не сильно».

– Не кривись, надевай, – усмехнулась сеньора, подавая пример.

– Будете проверять мои способности? – улыбнулся я.

– А то! Интересно же, на что способен человек, завоевавший «деревянную» медаль планетарного первенства!

– Это было полтора года назад.

– Тем более! Готов?

Я скинул взглядом себя и ее. Да, я не в форме, в обычных брюках и рубашке. Но и ее форму тренировочной назвать нельзя – парадные штаны, казенная блуза, на ногах сапоги от латных доспехов. Надеюсь, ногами бить она не будет!

Кольцо наблюдателей вокруг сужалось. К линии татами подошла инструктор и с интересом уставилась на нас, остальные подтягивались и располагались чуть подальше – естественно, они же не офицеры! И кстати, майор, встретившая меня у входа, тоже оказалась в зале, встала вдалеке, под навесом, разглядывая предстоящее действо сквозь голографический козырек, приблизив изображение.

– Готов.

– Атакуй.

Я атаковал. Не сильно, проверяя ее защиту. Она отвела мои удары, не блокируя. Что-то прослеживалось загадочное, интересное в ее движениях. Я пробовал еще и еще, раз за разом, наблюдая, как она двигается, с какой грацией. Знающий и любящий это дело человек меня поймет – это красиво!

– Не бойся, не рассыплюсь! – усмехнулась сеньора, подбадривая меня.

– Я не боюсь.

– И ударить меня не бойся. Скажу больше, если ты по мне попадешь полноценным боевым ударом, значит, мне пора на пенсию. Бей сильно, не дрейфь!

Я попытался. Провел серию обманных, зарядил левой снизу и тут же правой сбоку. Но все удары оказались в стороне, а мое ухо налилось жаром.

– Не больно?

Я покачал головой.

Новая атака, и еще, и еще одна. Все вокруг исчезло, и корпус, и девочки, и офицеры-инструкторы, остались только я и она. Я просто обязан разгадать ее секрет!

Я скакал, как конь, использовал все свои умения и навыки, но постоянно получал, причем один раз даже чувствительно. Она была неуловима. И... Я, кажется, понял ее секрет.

Даже два. Первый – динамичность. Она ни разу не поставила жесткий блок. Все время отводила удары в стороны или отходила сама, разрывая дистанцию. И второй – скорость. Она двигалась настолько быстро...

Нет, я не правильно выразился. Она двигалась не быстрее меня, не быстрее обычного человека, но... Она знала, как я ударю, чувствовала это в то время, как я только начинал делать замах. Когда мой кулак оказывался на месте, ее уже там не было.

Что это, телепатия? В телепатию я не верю, тем не менее сеньора вытворяла такое, что не укладывалось у меня в голове. И еще один момент, на который я обратил внимание, – она была слабее. В смысле чистой мышечной массы. Встретить жестко мой прямой правой, например, для нее было бы некомфортно. И она использовала ту тактику, которая только и могла обеспечить ей победу, – маневренность и динамичность. Это был танец, красивый чарующий танец, и, не получай я постоянно, танцевал бы его вечно.

– Это все, на что ты способен? – усмехнулась она, пытаясь разозлить.

И я решился. Как я говорил, мой тренер служил в королевском спецназе. Он, конечно, отказался научить меня некоторым, скажем так, особенностям ведения боя, но несколько раз до этого показывал коварные удары, запрещенные всеми федерациями единоборств. Которые изучают только в специальных войсках. Из жалости, видя мое безуспешное противостояние с коллективом отмороzków под предводительством Бенито Викторовича Кампоса.

Я провел две простые серии, чтобы усыпить бдительность, затем пара обманных ударов, и...

...И взвыл от боли в локтевом суставе.

Я стоял на четвереньках, если можно назвать четвереньками коленки и одну руку. Вторая рука была вывернута под опасным углом и посылала в мой мозг через нервную систему невероятное количество болевых импульсов.

– Ай-ай-ай, Хуан Шимановский, а мы, оказывается, не так просты! – Сеньора отпустила меня.

Я отполз и поднялся, потирая ушибленную руку.

– И где же мы научились таким ударам?

Ее глаза сверкали смесью бешенства и интереса. Бешенства, потому что я ее почти достал, а интересом.....Потому, что я ее почти достал!

– Друзья показали.

– У тебя очень интересные друзья! Готов?

Я кивнул.

Дальше начался ад. Теперь она не только оборонялась, но и нападала, испытывала мою защиту. А защита оказалась не ахти какой. Сеньора взламывала ее влегкую, с лету, почти каждый удар достигал цели. Если бы она была даже вполсилы, я был бы уже покойником.

Наконец, она подняла руки.

– Стоп!

Я остановился, отступил на шаг и опустил руки, оценивая свое состояние. Лицо, грудь и руки представляли собой один большой сплошной синяк.

– База у тебя есть, хорошая классика, – уважительно кивнула она, – но только классика. – Затем подала знак стоящей рядом офицеру-инструктору, протягивая перчатки.

– Проверь, на что он способен. Я скоро.

Сеньора инструктор, все это время наблюдавшая за боем, довольно усмехнулась, в этой усмешке проступало нечто плотоядное.

– Ты готов?

Мишель была удивлена обманным ударом – парень не так прост. Которое уже «не так прост» за сегодня? Четвертое? Пятое? Какие боги решили привести его к ней, да еще именно сегодня? Почему именно его из миллионов сверстников со всей планеты?

Но все оказалось не так плохо, тот удар – единственный в его арсенале. Она открывалась несколько раз, как школьница, но он не видел этого, заикленный на классической школе. Что ж, хорошо.

В ушах вдруг зазвучала легкая мелодия из старого детского мультика. Прозрачный на время боя козырек помутнел, с обратной стороны в него постучался анимешный рыжий лисенок, а иконка второй линии настойчиво замигала.

– Стоп! – прервала она бой.

Паренек отступил, в ожидании глядя на нее.

– База у тебя есть, хорошая классика. Но только классика, – выдала она свой вердикт и кивнула стоящей рядом Норме, чтобы подменила: – Проверь на что он способен. Я скоро.

И отошла в сторону, под навес за тренажеры, активируя линию.

– Слушаю.

В ответ услышала знакомый гневный голос. Очень гневный.

– Я по делу Шимановского!

Мишель была вся внимание.

– Это дело ведет департамент! Не лезь туда! Я вынуждена доложить о твоём внимании Лее!

– Ты на месте? – перебила она.

– Да.

– Я позвоню из кабинета. – И отключила линию. Затем обернулась к мальчишке, которого в этот момент обрабатывала Норма – методично и без жалости. Кажется, стоять ему осталось не долго.

Подошла к дежурному офицеру, тому самому майору:

– Катарина, разработай систему тестов. С завтрашнего дня начнем проверять его.

– Я против этой идеи, – отсутствующим голосом возразила та, наблюдая за поединком. – Мы только убьем его. Искалечим. Он уже сформировался, нам придется его ломать, в его возрасте это не проходит просто так.

Мишель помолчала, задумавшись, затем недовольно усмехнулась:

– Катарина, как офицер, ты имеешь полное право высказать свое мнение на совете и убедить всех в своей правоте. Но с завтрашнего дня подготовь для него программу тестов, физических и психологических. После занятия, – она кивнула на татами, где Норма отправляла пацана, не успевшего поставить классический блок, то есть, по ее мнению, допустившего ошибку, в нокдаун, – отвезешь его домой, сам он будет не в состоянии. Еще вопросы есть?

– Никак нет, – привычно отрапортовала майор глухим недовольным голосом.

– Вот и хорошо. Я у себя и на второй линии.

Развернувшись, направилась в кабинет, обдумывая предстоящий нелегкий разговор.

Как я вернулся домой, помню смутно. Болело все. В отличие от сеньоры полковника инструктор меня не щадила совершенно. Она полностью соответствовала высокому званию инструктор – каждый раз, когда я допускал даже незначительную ошибку, она меня жестко наказывала. Пробивала блоки и впарывала так...

Я выжил, и это чудо. Теперь понимаю, что значит «ангельская подготовка». И это я – чужак, которого просто тестировали! А что же они вытворяют со своими новобранцами?

Мама меня не узнала. Нет, конечно, узнала, но...

Я слушал ее упреки, ее испуганный голос, понимая, что не могу сказать правды, и от этого становилось не по себе. Кое-как отговорившись общими фразами, дескать, не избili меня, просто стоял в спарринге, я завалился спать, отсрочив неизбежный разговор до утра. Ее жалко, только-только отошла после предыдущей моей истории, и тут такое! Да и сын ее придумал это в здравом уме и трезвой памяти.

Утром меня по привычке поднял будильник. Что делать дальше я не знал, ибо сеньора майор, лично отвозившая меня после избияния домой, на мой вопрос ответила лаконично:

– Мы с тобой свяжемся.

И уехала.

Иначе говоря, меня взяли на заметку и начнут разрабатывать. Когда нужно, выдернут, а пока я свободен, словно ветер в поле. Сколько ждать – неизвестно, а потому я решил пожить своей старой прежней жизнью хотя бы день или сколько мне отмерят. Когда еще появится такая возможность.

Правда, это означало, что надо идти в школу.

Я быстро оделся, перекусил оставленным мамой завтраком, с сожалением провел рукой по волосам, на которых еще вчера утром покоился подаренный навигатор, и отправился в свой выстраданный храм науки. Именно выстраданный, я заслужил право учиться в нем, завоевал в бою, и, кстати, не был там с самой победы и визита королевы.

Школьный двор встретил меня привычным гулом и суетой вокруг работающего фонтана. Я медленно шел, взглядываясь в лица одноклассников, однокурсников, просто знакомых и незнакомых ребят, и вдруг отчетливо понял, что мне не с ними. Не хочу я здесь учиться, жить по установленным кем-то давным-давно правилам. Не хочу гнить много лет, отрабатывая Короне грант, идти по пути, уготованному всем здесь. Да, ребята довольны, счастливы своей судьбой и перспективами. Не только титуляры, которым без этой школы придется в жизни несладко, но и платники. На прошлой неделе я рассуждал про Кампоса и то, кого что ждет. Я ошибся. Люди РАДЫ тому, что их ждет. Смирились и не хотят другой доли.

Вон тот парнишка, на год старше меня. Отличник! У него большое будущее! Но вся его мечта – вылезти на позицию-две выше, чем сверстники. И он вылезет, он упрямый. Станет «начальником отдела» по классификации дона Алехандро, возглавив таких же, как сам, учащихся с ним, быть может, даже в этой самой школе. Но «начальник отдела» для него – предел, на большее он...

Нет, неправильно выражаюсь. Он очень умный и целеустремленный. Он СПОСОБЕН подняться еще выше. Но его мечта – «начальник отдела», и выше своей мечты он просто не ползет.

А я хочу в дамки. Я хочу стать императором. В данном контексте «император» – это человек, решающий судьбы планеты. Я хочу стать представителем элиты, влиять на судьбу страны. Пусть меня считают выпендренчиком с непомерными амбициями и завышенной самооценкой, но это так. Мне тесно в этой школе и в том мире, который ждет после нее. Это главный итог, который я вынес за сегодня.

Почему так получилось, что привело к такой мысли? Возможно, вчерашняя экскурсия во дворец, общение лично с главой корпуса телохранителей. Ведь даже «ангелы» стали для меня не абстрактными девчонками, где-то там охраняющими лиц королевской крови, а живыми людьми с любознательными лицами, к которым можно прикоснуться, потрогать, поговорить. Или все из-за Бэль, моей аристократки, из-за пропасти между нами, которую я подсознательно пытаюсь преодолеть? Не знаю. Но точно, мне здесь не место, это не мое.

Корпус же дает шанс. Смертельно опасный, но подобного мне больше не даст никто. Да и как же мой девиз, «все или ничего»? Я хочу все и, кажется, уже проходил это.

На меня смотрели, как на звезду. Ну, маленькую такую звездочку. Всепланетная слава давала о себе знать. К счастью, ажиотажа вокруг моей персоны, как я боялся, не было. Смотрели. Кивали. Здоровались и иногда показывали вслед пальцем. Но это не смертельно.

Карина при виде меня скривилась и отвернулась. Вот шавка, я так ничего и не придумал, чтобы поставить ее на место! Некогда было. Теперь же связываться нет желания – мелко это. А Эмма подлетела, начала что-то щебетать, выпрашивать и рассказывать, мне стоило большого труда отцепиться, пообещав поговорить позже.

Затем передо мною открылась картина, увидев которую я заторопился внутрь, хотя во дворе оставалось много людей, с которыми я не прочь поздороваться и пообщаться. Центральным персонажем картины являлся Кампос.

Он стоял в компании нескольких дружков, о чем-то весело болтая и смеясь. Рядом с ними стояла Николь с самым убитым видом и пыталась показать, что происходящее ей интересно. Лапища Кампоса по-хозяйски обвивала ее талию.

Увидев меня, Николь встрепенулась, бросила взгляд, полный боли, сожаления и раскаяния, но мне было все равно. Каждый сам выбирает свою судьбу. Бенито тоже увидел меня, посмурнел, скривился. Не знал, как ко мне относиться, какую роль играть в общении, и это его бесило. Наверняка с ним «разговаривали» в департаменте о недопущении впредь «плохого поведения», дабы августейшее внимание вновь не коснулось его персоны и «школьного дела», чтобы не влетело им, ответственным за это дэбэшным чинам. Должны были поговорить. Просто в субботу он посчитал меня слишком незащищенной жертвой, которую можно обидеть без последствий. Теперь же, после иголок охраны моей подружки он понял, что она крутая, непредсказуемые последствия могут появиться с любой стороны, и от этого находится в смятении.

А еще на заднем плане его сознания я рассмотрел ненависть, но уже по другому поводу – из-за ревности.

«Caramba, Хуанито, да ему и впрямь нравится Николь! Во дела?! А той нравишься ты!»

«Угу, – согласился я. – Но мне она до лампочки, особенно после случившегося».

«Так именно это его и бесит!»

Хуан Карлос опоздал, перед парой я его не видел, но зато после пары устроил мне допрос, прилипнув похуже Эммы. Пришлось вкратце изложить ему ход свидания с Бэль, умолчав об антикварном магазине, дисках и Сильвии, зато поведав о сногшибательном танцевальном марафоне, ее предложении стать партнером и о трагическом завершении вечера.

– Что ты намерен делать? – помолчав, спросил он. – Я насчет Кампоса.

Я фаталистически пожал плечами:

– Ничего. Он сам по себе, я сам.

– А эта девушка? Ты будешь искать ее?

Я покачал головой:

– А ты бы на моем месте искал?

Он задумался.

– Не знаю. Наверное, да.

– Я не готов к такому шагу.

– Но ты ее любишь?

Я тяжело вздохнул, похлопал его по плечу и пошел дальше. Любовь в жизни не самое главное.

– Эй, а что там насчет Эммы? Она ведет себя так, будто встречается с тобой! – догнал он меня, давая понять, что, не прояснив по поводу всех вопросов, я от него не отделаюсь.

Я усмехнулся.

– Если так – это ее сложности. Мы не встречаемся. Просто спали.

– Ты спал с Эммой? – Он от удивления остановился с отвисшей челюстью.

– Дружище, давай сменим тему? – взмолился я. – Какие тут без меня новости?

Новости были. Начиная с отставки директора и заканчивая теми парнями, моими братьями по оружию. Они сейчас в больнице, оба, вместе с несколькими друзьями Бенито, но идут на поправку и скоро вернутся. Обвинений против кого-либо больше не выдвигали, ни Кампос, ни его друзья мстить не клялись, наоборот, присмирели. Выжидают. Так что парням, как я понял, ничто не угрожает.

В школе буквально вчера образовалось нечто вроде нового «сопротивления», ударная группировка титуляров, которые кучкуются на сей раз вокруг Селесты. Пока этому объединению один день, и ведут себя тихо, но вчера вечером уже случился инцидент с их участием, они уже дали понять, что не позволят с собой не считаться. Вчера после занятий они встретили троих зарвавшихся придурков со старшего курса, на том же самом месте, где неделю назад утюжили меня. Я знал тех троих, хотя и не сталкивался тесно – ничтожества при деньгах, дающие понять всем вокруг, какие те плебеи. На мой вопрос «За что?» Хуан Карлос лаконично ответил: «За дело!»

С бригадой Кампоса эти ребята пока не контактировали, обоюдно делали вид, что друг для друга не существуют, но я не сомневался, когда все дружки Бенито подтянутся из госпиталю, а «школьное дело» исчезнет с первых полос, что-то обязательно произойдет. Но теперь их много, настроены они решительно, ДБ лютует, прессуя мафию, а значит, не факт, что все закончится в пользу Кампоса.

– Значит, без меня не скучаете, – подвел я итог и усмехнулся. И понял, эта война – не моя. Моя окончилась в пятницу с приездом королевы. И теперь их будущее в их руках: как они позволят к себе относиться, как себя поставят, так и будет. Я же сделал все, что мог.

– Слушай, а чего это ты меня про «ангелов» спрашивал? – повернул тему на большое будущее конструктор.

Я пожал плечами:

– Да так, снова инфанту встретил. В сопровождении охраны. Симпатичные девочки! Уже третий раз, представляешь? Какая-то любовь у нас с ней! – Я засмеялся.

– Третий? – Изобретатель недоуменно почесал подбородок. – А когда второй был?

Пары пролетели незаметно. И невероятно скучно. Командор, сука, вновь зверствовал, на сей раз досталось Хуану Карлосу. На меня пару раз бросил неодобрительный взгляд, но не тронул. Даже фамилию на переключке не исковеркал.

Ближе к концу занятий я случайно встретил дона Алехандро, тот шел задумчивый, с потеряннным видом.

– А, Хуанито! – Он отвел меня в сторону. – Как ты?

– Нормально, – вымученно улыбнулся я.

– Говорят, ты меня искал? Что-то случилось?

Я незло рассмеялся.

– Ну, теперь уже ничего, дон Алехандро. Уже все прошло.

Старик сочувственно улыбнулся.

– Ну и как оно? То, что прошло? Надеюсь, не возгордился? – Его глаза смеялись, но сам он был полон тревоги.

Я покачал головой:

– Нет, все хорошо, дон Алехандро. Можно вопрос? Немного абстрактный, но мне кажется, вы единственный, кто может достаточно компетентно и непредвзято на него ответить.

Куратор кивнул. Слова о «единственном» его приятно заделали.

– Вот представьте, перед вами две дороги. Одна из них ровная и прямая, вы знаете, что в конце, и это «что-то» неплохая вещь, о которой многие могут только мечтать. Эта дорога вами выстрадана, вы многое отдали за возможность идти по ней. В общем, заслуженная, завоеванная дорога. И вторая – узкая, извилистая. За каждым поворотом таится опасность, зачастую смертельная. Вы не знаете ни куда она ведет, ни ее протяженность, ни что на ней ждет. Но в самом конце вас ожидает суперприз, который и рядом не стоял с тем, что в конце первой дороги. Что бы вы выбрали, сеньор куратор?

Дон Алехандро долго понимающе молчал. По брошенному на меня взгляду казалось, он все понял. Про меня и корпус телохранителей. Что у нас несколько более плотные отношения, чем должны быть. Затем тяжело вздохнул.

– Я бы выбрал первую дорогу. Но я говорил тебе, я – старик, и у меня скромные потребности.

– А если бы вы были моложе? – не унимался я.

Он покачал головой:

– Даже если моложе, я бы выбрал первую. Я старик не внешне, друг мой, я старик внутри! – с жаром продолжил вдруг он. – Довольный тем, что имею и не желающий большего. И таких стариков большинство. – Он окинул взглядом коридор, имея в виду всю школу. – Девяносто процентов учащихся и работающих здесь – старики. Поэтому не спрашивай ни у кого совета, тебе ответят так же.

Он сделал театральную паузу.

– Вот только историю, Хуанито, настоящую историю, делают не они, а молодые. Те, кому не сидится на месте, кто любит рисковать, выбирая вторую дорогу. Многие из них гибнут, многие спиваются, но те, кому повезло, кто не сломался, доходят до своего суперприза. Поэтому думай сам, мой мальчик. Послушай свое сердце и принимай решение, ни на кого более не обращая внимания. Это только твой Путь и только твое Решение.

– Спасибо, дон Алехандро!

Я вежливо кивнул и поспешил на последнюю пару. На душе полегчало.

Из школы мы выходили вместе с Хуаном Карлосом и еще парой ребят из параллельной группы из «бригады Селесты», как их уже успели окрестить. Шли, обсуждали свое, в основном драку в фонтане. Такое забывается не скоро, всем было интересно, что я в тот момент чувствовал, и прочее. Вдруг Хуан Карлос потянул нас в сторону:

– Эй, гляньте! Ну ни фиги себе!

Мы остановились. На месте, куда он показывал, стояла, припаркованная, машина. Но какая машина!

У нас небедная школа. Пусть родители учащихся и не аристократы, но могут позволить себе очень и очень многое. Хорошие машины в том числе. Возле школы можно увидеть транспорты любого класса и стоимости. Но эта превосходила все.

Тюнинг, отделка, раскраска и вообще внешний вид. Классная тачка! Самым прикольным в ней был цвет – нежно-нежно розовый.

– Это же сто шестьдесят шестая «Эсперанса»! Только переделанная! – обалдевал Хуан Карлос, подходя поближе. – Блин, вообще переделанная, не узнать! Гоночная! Профессиональная! – Он обошел машину кругом, надавил всем весом на задний капот, постучал по обшивке костяшками пальцев. – Планетарного класса, но легкая, будто купольная!

– Все, наш мастер железа нашел игрушку, – усмехнулся я пацанам, глядя в озабоченное лицо инженера. Те тоже заулыбались – страсть Хуана Карлоса в школе известна многим.

– Вот только дюзы магнитные стоят, – продолжал он обследование. – Слоты только для стационарных магниток. Жаль! – Он вздохнул, легонько двинув ногой по крылу, под которым пряталось собранное в режиме города сопло.

– Это трансформер, – раздался голос справа, из-за соседней машины. Очень уж знакомый и самоуверенный.

Я вздрогнул.

– Внутри стоят и реактивные, смена с пульта, по необходимости.

Хуан Карлос присвистнул, бросив на говорившую беглый оценивающий взгляд. Но она интересовала его только как деталь к машине. А зря.

– А развивает сколько?

– Полторы. В воздухе до двух. Оптимальная высота до трех сотен. Это в стандартном режиме, без наворотов. Три противоударные ступени, парашютная капсула, четыре дополнительных атомных ускорителя.

Сеньора майор, одетая на этот раз в гражданку, в легкие обтягивающие немаркие брюки, серую рубашку и невысокие сапоги без каблука, медленно, с выражением назидательного превосходства, подошла, подняла вверх люк кабины и с пульта изнутри открыла противоположный, усевшись боком, свесив ноги на землю.

– Четыре? – Хуан Карлос как раз зашел за машину и рассматривал сопла двух из них, навешенных отдельно, сбоку. – Ого! Это же военная технология! Такие только на истребителях стоят! Да и атом...

Сеньора усмехнулась.

– Атом достать можно, если знать где. Технология не засекреченная, просто очень дорогая. На истребителях стоят похожие, но более мощные и новые, работают по другому принципу. А топливом дозаправляюсь только перед гонкой, а по городу возить радиоактивную дрянь – сам понимаешь!

Когда Хуан Карлос сделал третий круг почета вокруг машины, она полностью залезла внутрь.

– Ну что, Шимановский, ты не передумал? – донесся ее смехок. Самого меня смерил едкий, почти презрительный взгляд. – Если передумал, я поехала!

– Все, ребят, пока! Дружище, позже все объясню! – Я быстро пожал руки недоумевающим парням, хлопнул по плечу опешившего Хуана Карлоса, обошел машину и влез внутрь. Люк встал на место. Послышалось шипение системы герметизации.

– Готов? – спросила она.

Я бегло кивнул.

– Так точно.

– Зря. Я бы на твоём месте осталась тут.

– Меня зовут Катарина, – проворковала она елейным голоском, как только мы отъехали. Только за голоском этим прослеживалась сталь и неприязнь, сеньора была крайне недовольна тем, что занимается моей персоной. Но я ничем помочь ей не мог, не я ее к себе приставил. – Я тебя курирую.

– Почему?

– Потому что глава кадровой службы. Заниматься новобранцами – моя работа. И еще, Шимановский, мне очень, **ОЧЕНЬ** не хочется, чтобы ты стал новобранцем!

Я предупреждение понял, дальше мы ехали молча.

Ну что ж, кто сказал, что все будут мне рады? Обязательно должен найтись некто, кому я перейду дорогу. Ну, не бывает в жизни иначе!

Заехали в мой район. Сеньора оставила машину в паре кварталов от моего дома, ближе, видимо, не стала, чтобы не светить меня, выходящего из супердорогой «Эсперансы». И правильно сделала, я ей был за это благодарен.

– Сейчас ты бежишь и переодеваешься во что-нибудь спортивное. В такой одежде ты там не нужен, а казенное на тебя не рассчитано. Понятно?

Я кивнул.

– Тогда в темпе, долго ждать не буду!

Эта уж точно не будет! Я побежал.

Дальше все пошло гладко. Приехали. Заезжали через Восточные ворота, нас не досматривали, сеньора майор лишь протянула дюжему охраннику с деструктором за плечом какую-то бумагу в окно.

Попетляв среди дворцовых строений, мы очутились возле того самого бело-розового здания с колоннами, чуть в стороне, на подземной парковке. Рядом стояли бронированные «Либертадоры», «Мустанги», «Фуэго» и другие машины, отличительной характеристикой которых является прочность и надежность. Виднелась и пара легких транспортных, но всего несколько штук. Эти наверняка личные.

– Идем.

Мы вышли на первый уровень, к тому же самому входу, что и вчера. Охранявшая парковку девочка с «Кайманом» в глухой штурмовой броне нас проигнорировала. Стража на входе молча открыла «допросную» и задраила за нами люк.

В «допросной» меня вновь проверили такие же молчаливые сеньоры с теми же самыми приборами, но, как и в первый раз, ничего не нашли.

– Иди за мной, – бросила Катарина и направилась куда-то в глубь здания переходящими в лабиринт коридорами и переходами.

Пару раз мы спускались под землю, причем круто спускались, потом поднимались, из чего я сделал вывод, что розовое здание – лишь головное, вспомогательные же помещения расположены вокруг под ним. Очутились мы в итоге в огромном зале, но уже другом, не для занятий единоборствами. Специализировался он на беговых дорожках: стенки, препятствия, навесные преграды, лабиринты, жуткие конструкции непонятного назначения – добра здесь хватало. Тут тоже занимались девчушки в серых доспехах и открытых шлемах, целый взвод, более десяти человек. Та самая «мелюзга» – уж больно гневные и презрительные крики бросала им вышагивающая рядом незнакомая высокая сеньора-инструктор. Никакого внимания и ажиотажа на сей раз мы не вызвали, девчонки боялись наставницу до чертиков, это читалось даже по их спинам, не было и речи, чтобы повернуть голову без ее ведома!

Нас ждали двое инструкторов с бесцветными незапоминающимися лицами. Не представившись, ничего не спросив, они начали давать указания, что и как я должен делать.

* * *

Вечер пролетел, как одна минута. На сей раз без рукопашек, никто меня не бил, в нокаут не отправлял, за ошибки не наказывал, но лучше бы уж били и наказывали. Я бегал. Не так. БЕГАЛ. И вымотался настолько, что с удовольствием пропустил прямой в лицо, и хотя бы так, в нокауте, полежал несколько минут. Их в основном интересовало мое ускорение, скоростные характеристики. Спринт, челночный бег, несколько различных полос с препятствиями на время.

Я не уложился ни в одно время, ни на одной полосе, вызвав этим скептические усмешки. Это ж с какой скоростью нужно проходить дорожки, чтобы укладываться? Я двигался на пределе, раз за разом, но улучшал лишь десятые и сотые. М-да, правильно сказала сеньора полковник, настоящих «хранителей» я не догоню – время упущено.

Катарина все время находилась рядом. Что-то отмечала на своей планшете, перебрасывалась словами с инструкторами, но со мной не разговаривала. Понять, о чем она думает, не представлялось возможным, но легкое пренебрежение ощущалось постоянно. Что она может сделать, чтобы поставить палки в колеса, я предположить не мог, но по настрою тре-

неров, обсуждавших мои «успехи», сложилось стойкое ощущение, что делать ей ничего не придется. Меня не возьмут и без ее каверз. Плохая новость.

В школу я проспал безбожно, слишком вымотался вчера вечером. К подземке и от нее бежал бегом, но ноги болели и заплетались, потому все равно явился минут через десять после начала занятий. Повезло, преподаватель не захотел устраивать балаган и молча указал мне на место.

Но после занятия началось. Первой ласточкой стал Хуан Карлос, не набросившийся с вопросами, а отвернувшийся и старательно сделавший вид, что меня игнорирует. Поскольку вины или обязательств по отношению к нему я не испытывал, то решил игнорировать его, будто все идет как надо. Захочет – подойдет и спросит.

Подошел. После третьей пары, в столовой. Поставил рядом поднос и сел напротив.

– Кто это?

Вот так, ни тебе здрасте, ни до свидания.

– Катарина, – как бы между прочим ответил я, отправляя в рот кусок бекона.

– Я не про имя! – вспыхнул он.

– А про что? – Я сделал удивленные глаза.

– Про то, кто она!

– А что, собственно, такое? – начал заводится я.

– «Что такое»? – Он чуть не перешел на визг, обернулся по сторонам и продолжил почти шепотом: – Хуанито, ты вчера сидел в машину стоимостью в пару десятков миллионов империалов! Даже больше, учитывая тюнинг и заделки! И ты спрашиваешь: «Что такое?»

Тут уж я не вытерпел:

– И что? Ну, сидел я в машину стоимостью двадцать миллионов. Что теперь, презирать меня? О, давайте будем игнорировать Шимановского, его же теперь на роскошных тачках подвозят! В буржуи выбился, скотина! Нехрен, не станем больше с ним дружить и разговаривать! У нас классовое родство, мы тут все бедные голожопые, а этот хмырь... Предатель он! Предал наши общие голозадые интересы, сел в чужую дорогую машину! Так, Хуан Карлос?

Конструктор виновато опустил голову:

– Нет. Извини.

Какое-то время мы ели молча. Наконец, он не вытерпел:

– Хуанито, ты после того боя изменился. Другим стал!

– Да? – Я удивился. – И с чего ты так решил?

Он задумался.

– Даже не после боя. После него ты был нормальным. Ты изменился после визита королевы.

Я и сам чувствовал нечто подобное. Только датировал это событие субботой, встречей с Бэль и Королевской галереей, а не визитом ее величества.

– И что?

– Да ничего, мать твою! – вспыхнул он. – Она потягала тебя за щечку, приласкала, и ты тут же взбеленился! Крутым себя почувствовал! Пропадаешь где-то, ничего не рассказываешь, с аристократками встречаешься, на хороших тачках разъезжаешь!

– Это не моя тачка, – заметил я.

– Ну и что? – Он пожал плечами. – Я на такой вряд ли когда-нибудь проедусь. Вообще! В жизни! Хуанито, что с тобой? Что происходит? С кем ты связался? Я тебя знаю, это все не просто так. Это конкуренты семьи твоей Бэль? Они тебя шантажируют? Тебе нужна помощь?

В его лице читалась тревога и решимость помочь. Да, он трусоват, не без этого, драться вместе со мной против банды противников не выйдет, но в глубине души человек порядочный. А помочь может, только не кулаками. Ведь информация – это оружие, а у него есть какие-то собственные каналы, практически кладези информации самой различной направленности.

– Ты умеешь хранить тайны? – вздохнул я после долгого молчания.

Хуан Карлос надолго задумался, даже забыл на время об обеде. Наконец, кивнул.

– Мне предложили работу. Хорошую работу, но сложную. Зато с обалденными перспективами в будущем.

– Кто?

– Одна очень серьезная контора. Не скажу какая, ты и так догадаешься.

– Что за работа?

– Подопытный кролик.

Пауза.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– И что будут испытывать?

– Методики. Физического и психического воздействия, воспитания. Создание универсального солдата с уникальными способностями.

– Ни... чего себе! – выдохнул Хуан Карлос. – И кто?

– Какая разница? – усмехнулся я. – По-моему, вариантов не много.

Он согласно кивнул:

– Это точно.

Затем все-таки уточнил:

– Ее высочество? А что обещают?

Я лишь многозначительно улыбнулся в ответ. С Хуана Карлоса довольно.

«Эсперансу» видели многие, не только Хуан Карлос с ребятами. И как я в нее садился в том числе. Если бы я был одним из богатеньких, это не произвело бы эффекта. «Эсперанса» и «Эсперанса». Но нищий чудак Шимановский, да еще облаканный лично королевой...

Кампос смотрел откровенно косо, совсем не так, как вчера. Было видно, он нашел линию поведения со мной, успокоился, но чего-то выжидал. Но меня не трогает – и ладно, на остальное мне плевать. Эмма тоже крутилась вокруг, порывалась что-то спросить, но я ее каждый раз отшивал, мягко, но настойчиво, и она не решилась.

На последней паре Кампос вдруг отпросился прямо посреди занятия. Я заподозрил неладное, хотя и не нервничал, сейчас эта скотина ничего мне не сделает, даже не попытается. Побойтся. Меня больше волновал вопрос, приедет ли сегодня Катарина? Какие еще тесты им нужны? Когда и сколько раз я им понадоблюсь? И главное, нужен ли корпус мне самому?

Я выслушал дона Алехандро, и последую его совету. Буду слушать лишь свое сердце, не слухи и чужие мнения. У меня почти две недели для этого. Но пока проблема в том, что сердце молчало. Мозг же не видел особых стимулов идти в подопытные кролики.

Да, там круто. В конце обучения. Но само обучение станет адом, уж если я не уложился на вчерашних несложных, в общем, дорожках НИ В ОДИН норматив.

А ведь те нормативы сдать можно. Занимавшиеся рядом девочки сдавали, пусть и не с самыми лучшими результатами. Они двигались невероятно ловко и быстро! Если бы не видел вживую и точно не знал бы, что это не роботы, в жизни бы не поверил!

Меня ждет бяка, много-много бяки. Затем смертоносный Полигон, где придется убивать, чтобы выжить. И только после этого я получу свою шоколадку.

С другой стороны, у меня грант. Я доучусь, меня больше не тронут. А затем универ, хорошая должность и карьера. Да, я стану серьезным, но не самым высокооплачиваемым менеджером или специалистом, но меня однозначно никто не будет бить, пытаться, вытягивать из тела все соки, и главное, я никого не убью, меня никто не убьет, ни целенаправленно, ни случайно.

Вчера Катарина вновь ничего не сказала. В полном молчании отвезла домой, на сей раз в строгой казенной машине, без понтов. Сложилось ощущение, что она меня постоянно оценивает, даже когда везет домой, и мы молчим. Чего меня оценивать, вот он я, на виду! Встретит ли меня сегодня, не знал, а потому пошел к метро, но один и оторвавшись от всех, выскочив сразу после звонка.

Ждала. На том же самом месте, на той же машине. Стояла с поднятым люком.

Я молча влез. Она бегло бросила:

– Пристегнись, нас ждут приключения.

И приблизила виртуальное изображение заднего вида на портативном визоре панели. Я разглядел длинную фигуру Эммы, внимательно смотрящей нам вслед.

– Ты ей нравишься, – бесстрастно заметила сеньора. Просто констатировала факт, не окрашивая его в эмоциональные оттенки. – Она удивлена, а еще ревнует.

– Это ее сложности! – вспыхнул вдруг я. – Достали они все. Особенно эта, какое ей дело до моей личной жизни?

Сеньора в ответ довольно улыбнулась, но как бы мельком, между прочим. Вот стерва, она просто меня испытывает! Раздражает и следит за реакцией!

Я пристегнулся и подобрался. А еще обратил внимание, что съемка ведется не от машины, а со стороны и чуть сверху. Будто она установила камеру на противоположной стороне улицы, причем прямо над тротуаром, метрах в четырех от него. Круто! Летающий дроид!

Дроиды запрещены и используются только специальными службами планеты. Ну, наверняка еще аристократами – эти у Короны что хочешь выторгуют.

– Скажи, что ты знаешь о Кампосе? – спросила сеньора, закрывая и герметизируя люки.

– Ну... – Что ей отвечать? Вот так, в двух словах? – Мы не дружим.

Она едко усмехнулась:

– Я видела, как вы «не дружите». Вся планета видела. Особенно «не дружите» в школьном фонтане. Меня интересует, *почему* вы «не дружите».

Я ответил привычной фразой:

– Социальное неравенство.

– В школе больше сотни титуляров, – парировала она. – Но так сильно «не дружит» он только с тобой. Почему?

– Потому, что я даю сдачи. Соппротивляюсь. Мне плевать на него и порядки, что он устанавливает.

Ее это не убедило.

– Почему он не отстанет от тебя? Тебя ведь несколько раз избивали, ставили на место. Но он упорно идет на конфликт дальше, наплевав на здравый смысл. Почему?

Вот достала!

– Наверное, хочет видеть меня на коленях. Чтобы я признал его правоту и главенство.

– Правоту в чем? – уцепилась она за слово. Ну, клещ! Натуральный! Вцепится – не оторвешь!

– Что он имеет моральное право всем указывать. Ну, не знаю, не знаю я!

Она неодобрительно покачала головой.

– Ошибка. Твоя ошибка. Всегда надо знать мотивацию врага. Так легче вычислить его слабые стороны и нанести ответный удар. У тебя было время выяснить это, но ты упорно лез на него с кулаками, играя по его правилам.

Сказать, что сеньора Катарина меня удивила, – ничего не сказать. Я обалдел. А главное, она оказалась полностью права, придаться не к чему, что втройне обидно.

– Теперь же, из-за твоего нежелания учиться, придется действовать форсированными методами, а они не всегда самые эффективные. – Она медленно поехала по направлению к центральной улице купола.

Она знала, что так будет. Вела машину не быстро и не медленно, а именно так, чтобы выдержать нужную ей до кордона дистанцию. Для нее не стало сюрпризом, что наперерез нам выехали две машины планетарного класса, тяжелые броневики «Фуэго», которые и тараном не сдвинешь, и перегородили дорогу. Я посмотрел на панель, которая теперь выдавала обычный задний вид. Так и есть, еще два броневика отрезали нам путь к отступлению. Коробочка. Mierda!

– Сиди в машине. Что бы ни случилось. Это приказ, – спокойно отрезала она, подняла свой люк и вышла. Люк тут же опустился. И я почувствовал, что меня он так просто наружу не выпустит.

Но панель оставалась включенной. Я тут же протянул руку к виртуальному треугольнику «звук». Система послушалась меня, видно, не закодирована (а может, специально оставлена в таком состоянии, чтобы я мог воспользоваться). Увеличил изображение. Нажал на иконку «дополнительные виды», после чего получил две дополнительные картинки, камеры для которых располагались над верхним люком машины. Это действительно оказались мини-дроиды: пара прикосновений, и они облетели место действия, давая мне полную картину, причем со звуком.

А действие пока что напоминало сцену из классического гангстерского фильма. Хулиганы блокировали машину невинной девушки, и теперь глумятся, играют с ней в кошки-мышки, не спеша делать то, ради чего устроили «коробочку» посреди улицы. Правда, неправильную какую-то сцену!

Сеньора Катарина, выйдя вперед, прислонилась пятой точкой к капоту и выжидательно сложила руки на груди.

Глаза ее смеялись, в них не было ни капли страха, скорее удовольствие от происходящего. Над ее правым глазом вихрился козырек, которого, когда она выходила, не было. Ее со всех сторон окружили, впрочем соблюдая дистанцию не менее трех метров, Бенито Кампос и с десятков типов с рожами конченных отмороzków. Эти точно не учатся в нашей школе, настоящие урки. Так вот куда эта сволочь отпросилась!

– Катарина де ла Фуэнте, «Лока Идальга». – Кампос, как условно главный, сделал шаг вперед. – Четырехкратный победитель «Абьерто де Дельта», главного неофициального чемпионата гонщиков-самоубийц со всей Солнечной системы. Bravo, какие люди!

Бенито иронизировал, но было заметно, что он боялся. Не спешил нападать, скорее всего, и не собирался. И дружки его стояли как-то раскованно, совершенно не собранно. Не так, как перед боем. Следовательно, «коробочка» – это не нападение, а выпендрей, Катарина сразу поняла это, оттого и ухмылялась.

– А ты – Бенито Кампос. Наслышана, наслышана! – Она ехидно усмехнулась. – Знаешь, а мокрым ты смотришься лучше! Естественнее! У меня слабость, люблю видеть людей в их естественном состоянии, жалкими, немощными...

Улыбку Бенито как ветром сдуло. Но проигрывать словесный поединок, да еще женщине, он не собирался. В конце концов, он затеял все это не ради нее.

– Все мы люди. Когда-то выигрываем, когда-то проигрываем. Ты лучше скажи, зачем тебе этот урод?

Она картинно обернулась по сторонам:

– Урод?

– Шимановский. Он лох и неудачник. Зачем такой сеньоре этакая посредственность?

В ответ надменный смешок.

– Сплю я с ним! А тебе какое дело, мальчик? Зависть? Ревность? Это все, – она окинула взглядом машины, – только чтобы спросить? Да вам к психологу надо, юноша!

Бенито серел на глазах. Пренебрежительное отношение, да еще «мальчик» и «юноша» в присутствии урок, живущих по звериным понятиям криминального мира. Какое оскорбление!

Но пока недостаточное, чтобы проучить обидчицу, как я понял, известную всей планете гонщицу.

Las carreras, «сумасшедшие гонки», гонки без правил. Элитный спорт для чокнутых, помешанных на запредельной скорости. Зачастую заканчивается летальным исходом для соревнующихся. На Земле почти везде, даже в Империи, вне закона. У нас, как и все, что касается туристического бизнеса, этот спорт разрешен, но поставлен на контроль, гонки проводятся в труднодоступных частях планеты, где нет людей и инфраструктуры, которой они могут помешать. Хотят убится – ради бога, лишь бы больше никто не пострадал! Главные, «королевские» гонки, «Абьерто де Дельта», проходят на сложном рельефе горного плато в Дельте, отсюда и название.

«Ну, ничего себе! – вспыхнуло в мозгу. – Четырехкратный победитель?»

От осознания заслуг сеньоры майора мне вдруг стало дурно. Так вот почему Кампос не нападает. Бойтся. Она не просто известный, а известнейший человек на планете! В своих кругах, правда, но зато это очень влиятельные круги. И это не считая корпуса, о котором он наверняка ничего не знает.

– Мальчик! – чуть ли не по слогам потянула Катарина. – Повторяю вопрос! Что тебе нужно?

Бенито проглотил ком, но заднюю не включил.

– Я же говорю, интересно, что может связывать такого неудачника, как Шимановский, и такую... успешную женщину, как ты. Неужели все серьезные женщины обожают неудачников? Что они в них находят? Нормальных мужчин, что ли, нет? Вот в принципе и все.

Катарина рассмеялась громко и искренне:

– Ты не прав, мальчик. Я не сплю с неудачниками. Вопрос, с чего ты взял, что он неудачник?

Бенито злобно, но довольно оскалился:

– Спроси любого в этой части Альфы, тебе скажут. Он – ничтожество, которое ни на что не способно, кроме как разевать рот и указывать всем, какие они плохие. И отхватывать за это.

– Ну, я бы поспорила с этим утверждением, – делано вздохнула сеньора майор. – У меня есть запись, где он очень даже отчетливо надирает задницу некоему стоящему напротив меня самоуверенному сопляку. Очень эффектно надирает!

Кампос позеленел.

– Мне кажется, дело в другом, – продолжала она. – Ты ему завидуешь. Завидуешь, что он один, без дружков и прикрытия папочки, способен сделать то, на что ты в одиночку никогда не решишься. Так, Бенито?

Кампос вспыхнул:

– Неправда!

– А еще ты боишься выйти против него один на один.

– И это неправда! Я порву его и один на один, влегкую!

– Тогда почему не рвешь? – Катарина снова рассмеялась. – Зачем тебе эта шайка, если можно решить проблему, как двум кабальеро?

– Он не кабальеро! – Бенито завелся.

Его собеседница и добивалась того, чтобы вывести его из себя. Окружающие в их словесной схватке не участвовали, только он и она. Потому и мне было приказано сидеть внутри, чтобы у нее были развязаны руки.

– Он – мусор, плебей! Его место внизу, под ногами, как и всех остальных титуляров!

– Твой отец тоже был под ногами! – со сталью отрезала сеньора. – Но выбился в люди, залез на вершину!

– То мой отец! А то Шимановский!

– А разница?

Пауза.

– Разница в силе. Сильный человек может подняться. Но Шимановский – слабак!

– Почему? Объясни, представь, что я дура.

Я смотрел во все глаза, слушал и пытался понять, чего она хочет, какую преследует цель. Она вытягивала его на разговор о высоких абстрактных материях, где у нее преимущество. Окружающие урки откровенно скучали, а Кампос вдруг понял, что загнал себя в ловушку, теперь не сможет уйти от темы.

– Чтобы быть сильным, нужно побыть слабым! Понять жизнь, прогнуться под нее, а потом уже лезть вверх! Так сделал мой отец, так делают все сильные! Твой Шимановский же не хочет прогибаться, занимать свое место в жизни, хочет сразу наверх, потому он никогда не будет наверху! Его удел – быть грязью и мусором! Неудачником!

Катарина удивленно приоткрыла рот.

– А ты, оказывается, философ, Бенито! Прости, думала о тебе гораздо хуже.

И задумалась.

– Знаешь, наверное, ты прав. Нельзя взлететь, не покопавшись на дне. Но понимаешь, это личное дело каждого – выбирать, что делать, как жить и под что подстраиваться. Не прав он – жизнь сама его осудит. И поставит на место, больно ударив. Мне же интересно, почему ТЫ, Бенито, постоянно пытаешься играть роль судьбы? Почему ТЫ ставишь его на место?

Кампос коварно усмехнулся, как усмехается хозяин жизни или повелитель Вселенной.

– Потому что он мне не нравится! Мне не нравится его рожа, я не хочу лицеизреть ее рядом с собой!

– Это не дает тебе права просто так над кем-то измываться.

– Почему нет? Еще как! – Кампос показал все тридцать два зуба. – Есть такое право, право сильного! Оно везде, оно рулит нашей жизнью! Закон – лишь отговорка для власти, чтобы ее не свергли в горячке расстроенные слабые. На самом же деле кто сильный – тот и прав! Богатые сильнее бедных, бедные ничего не могут сделать богатым, богатые диктуют всем свою волю, и любое сопротивление их воле будет жестоко подавляться. Потому что они сильные! Клань рулят средним классом. Средний класс – работягами. Дзэбэшиники и игэшники – мафией и гвардией. Мафия вершит свои законы в кварталах. Это жизнь, сеньора! Это система! И в этой системе ты должен занять свое место. А если не захочешь, как не хочет Шимановский, тогда тот, кто выше, сгноит тебя по праву сильного!

Катарина гулко хлопнула в ладоши:

– Bravo, мальчик! Хорошо придумал! А тебе не приходило в голову, что система может ударить по тебе?

Кампос усмехнулся:

– Не ударит. Я на своем месте.

– Разве? – Она картинно удивилась. – Ну хорошо. Смотри. – И она извлекла из кармана на груди пластиковую карточку золотого цвета. – Императорская гвардия, агент де ла Фуэнте.

Кампос удивленно открыл рот и отступил на шаг. То же попытались сделать остальные.

– Значит, императорская гвардия рулит мафией. Я, как представитель императорской гвардии, имею право рулить тобой, представителем мафии. И ты не можешь идти против меня, поскольку это право сильного. Ты же не будешь уподобляться неудачнику Шимановскому? – елейно проворковала она последнюю фразу.

– Я... Ну...

Тон сеньоры майора резко, буквально моментально превратился в лед.

– Я приказываю тебе вылизать мои сапоги! По праву сильного!

Все находящиеся вокруг поняли: запахло жареным. О банальном завершении разговора речи больше не шло – просто так, без драки, она никого не отпустит.

Но их много, десятикратный перевес, и, хотя чувствовали себя дружки Кампоса неуверенно, все равно являлись сильными противниками.

Впрочем, сеньора Катарина будто бы не замечала окружающих урок, перла на Кампоса напролом, грозно сверкая глазами.

– Я приказываю тебе вылизать сапоги, по праву сильного! ТВОЕМУ праву!

Тот отступил еще на шаг назад, но вдруг ехидно оскалился – решил драться. Это почувствовали и мгновенно воспрянувшие урки.

– Да пошла ты!

Дальнейшее мелькнуло за считанные секунды, я еле успевал понимать, что происходит.

Катарина подалась резко в сторону, как бы уходя от возможного удара, руки ее скользнули за спину, за пояс, и вынырнули оттуда с двумя небольшими огнестрельными пистолетами.

Паф, паф! – раздалось на всю улицу. Двое урок отшатнулись, держась один за левое, другой за правое плечо. Паф. Паф. Паф. Паф. Она развела руки в стороны и без остановки засадила по тем отморожкам, которые могли напасть на нее сзади, с обеих рук, не целясь. Ну, это только казалось, что не целясь, палила ведь не на убой, в основном пули пролетали мимо, лишь двое схватились за простреленную руку.

Урки грянули врассыпную, за машины, прижимаясь к земле и для чего-то закрывая головы руками. Лишь один из тех, что стоял напротив, попытался на нее напасть. Она обработала его за доли секунды: заблокировала замах, развернула, отводя руку за спину, и ударила рукояткой по затылку. При этом не выпуская оружия из рук.

Паф.

Бенито Кампос, решивший дать стрекача, свалился между машинами с простреленной ногой.

– А тебя я не отпускала!

Сеньора грозно подошла к нему и повесила на лицо такую плотоядную улыбку, что я бы на его месте тут же попросил себя пристрелить! Бедняга Бенито затрясся от страха, попытался отползти, но на его пути крепостью встало крыло «Фуэго».

– Мальчик, ты не слышал, что я сказала?

Он начал кричать ей в лицо нечто нечленораздельное и уж никак не печатное. Катарина не торопясь убрала пистолеты за пояс, наклонилась и сложенными в лодочку ладонями двинула его по ушам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.